

В. А. Д. & С. Л. А. А. ТИМОНИН

АБАЗИНСКИЙ
ДЕЛИРИЙ
НМ

ЦЕРТ ОБРАЖНИЧЕСТВО
ПО-АБАЗИНСКИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

**Ангелина Тимонина
Владислав Тимонин
Никита Тимонин
Абазинский делирий,
или Чёртобразничество
по-абазински**

<https://litres.ru/74323892>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это дорожное приключение, где каждый километр пути оборачивается чередой мистических происшествий и абсурдных случайностей. Главный герой — истинный наследник барона Мюнхгаузена: неумный фантазер, хвастливый рассказчик и хитрец, который с легкостью выдает желаемое за действительное. Путешествуя вместе с ним, вы узнаете в его спутниках своих коллег, соседей и знакомых — настолько точно автор схватывает их навязчивость и мелкие пороки. Через гротеск и смешные неурядицы книга обличает нелепость социальных ритуалов и бытовую глупость. Эта ироничная сатира для тех, кто ценит юмор с двойным дном. Сможете ли вы разглядеть истину раньше, чем наш герой?

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Побег из огорода, подальше от Кольки и Апрельки.	23
Глава 2. Когда время превращается в кисель	48
Глава 4. Надежда Сергеевна - фея билетов и королева вежливых подколов	77
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Никита Тимонин, Ангелина Тимонина, Владислав Тимонин Абазинский делирий, или Чёртобображничество по-абазински

Пролог

Алкоголь — гениальный собеседник: который сначала делает тебя остроумным, потом — protagonистом различных приключений, а наутро превращает в философа-антагониста, который размышляет, стоит ли пить дальше.

Эту совершенно невыдуманную историю мне рассказал мой отец. Все имена и события в произведении не вымышлены, а любые совпадения с реальными людьми, живыми или мёртвыми случайны.

Давным-давно, когда только возникала первая идея создания магазина проката DVD Netflix, а сказки рассказывали вживую, — в три нуля тридцать пятом царстве, девяносто

семь миллионных от государства, за семью перевалами, у истоков быстрой реки, там, где горы касаются неба, а степи тянутся до самой тайги, на картах скромно обозначенный точкой, а в алфавите городов занимающий первую строчку, стоит город. И стоит он так уже много лет: твердо, непоколебимо, с упрямством сибирского лося, ровно с того благословенного 1867 года, когда уральский купец Кольчугин — человек, видимо, настолько же предприимчивый, насколько и равнодушный к цивилизации, — основал здесь чугунолитейный и железоделательный заводы. С тех пор город и живет по принципу «тяжелая промышленность превышает геометрию»: дома его не столько строили, сколько устало прислоняли к сопкам, словно сам Господь Бог, будучи в легком восторге после сотворения Сибирской тайги, уронил сюда пару горстей строений и, прищурившись, махнул рукой: «А... пущай живут, раз упали». И они живут, органично дополняя тело рельефа — но не как ласковые конопушки, а как архитектурные одуванчики: каждый домик лепится к сопке так страстно, будто пытается её обнять и заодно избежать внеплановой командировки проверяющих из краевого центра. Крыши уезжают вниз, фундаменты лезут вверх, и вся эта архитектурная вакханалия цветёт двухквартирными домами с покосившимися заборами да резными наличниками, которые смотрят не на улицу, а неизвестно куда — предположительно, в вечность. Добавляют перчинки старые бараки, без которых ни один уважающий себя Сибирский городок

не обходится уже который век, чья иеремиада слышна даже сквозь гул заводских цехов: они скрипят, оседают и пахнут мокрыми дровами, но стоят — назло всем архитекторам, законам физики и здравому смыслу. Город, одним словом, выжил, оброс гаражами, палисадниками с жёсткой сибирской сиренью и тропинками, которые местные жители протоптали там, где даже дикие козы сворачивают чтобы не понадобилось завешание. И любим он именно за это: за то, что Господь его не спроектировал, а уронил — но уронил точно в самое сердце, где Абакан гнет свою спину, а люди пьют чай с брусникой и знают, что такое настоящая, не придуманная стойкость. И даже если вы попытаетесь найти этот город по линейке и транспортиру, он лишь хмыкнет, поправит покосившийся забор и продолжит стоять — с видом человека, который слышал про евроремонт, но принципиально предпочитает печку-буржуйку и разговор по душам.

Ну, а если вам еще и хоть раз в жизни довелось услышать тот восхитительный треск, с которым планы начальства по тотальной эксплуатации человеческого ресурса разбиваются вдребезги о раскалённый чугун, рассыпаясь мельчайшей чугунной дробью и издают при этом звон, напоминающий удар церковного колокола по пустой каске прораба, — что ж, поздравляю: вы, несомненно, стояли у дверей кузницы моего отца. Это место было настолько сакральным, что руководство обходило его стороной с таким же ужасом, с каким кот обходит ветклинику после знакомства с градусни-

ком, — начальственные портфели и табели о рангах панически боялись кузнечной сажи. Зато простые люди валили туда с видом срочной необходимости, будто на пожар, где тушить собирались не огонь, а их собственный внезапный приступ трудового энтузиазма. Внутри этой кузницы законы физики, химии и трудового законодательства тихо сговаривались между собой, чтобы незаметно подменить «производственный подвиг» на «рабочую романтику», и к концу дня человек выходил оттуда совершенно счастливым — а иногда ещё и с парой «сувенирных» гаек в кармане, которые служили не столько доказательством борьбы с системой, сколько вещественным подтверждением того, что система сегодня боролась сама с собой.

Кузница была местом почти культовым, и одновременно служила социальным лифтом для тех, у кого в местном хозмаркете фамилия с пометкой в тетрадке «в долг не давать». Туда заходили самые разные люди: кто-то просил выковать деталь для трактора, кто-то — подкову для лошади, а кто-то — крючок для калитки. Но также кузница стала местом, где можно было с чистой совестью филонить от работы. Некоторые работяги Леспромхоза придумали гениальный план: они приходили к отцу, делали вид, что срочно нуждаются в какой-нибудь детали, и терпеливо ждали "очереди". При этом они с удовольствием наблюдали, как отец работает, и вели неторопливые беседы на темы, далёкие от кузнечного дела.

Мой отец много лет работал кузнецом в Леспромхозе — и

был тем самым человеком, который мог с одинаковым успехом вернуть к жизни самолет и трактор Т-40, потерявшим все возможные эксплуатационные свойства еще при прежней власти, или сделать из куска рельсы такую хитрую запчасть, что инженеры из Москвы выпадали в осадок, узнав, что эта штукавина работает без единого чертежа, на одном лишь русском умении и интуиции. Кузница же, где ему приходилось творить эти чудеса, представляла собой помещение, которое следовало бы охранять как памятник индустриального дадаизма, если бы не одно досадное обстоятельство — работать там было сущим адом. Стены, закопченные до состояния негритянской ночи, пропитались гарью так глубоко, что даже свежий воздух, случайно залетев в дверь, тут же задышался и вылетал обратно серым облаком. Однако артизанальный инструмент был вывешен по системе, которую явно разработал человек с инженерным складом ума и душой художника. Так что даже перфекционист расплылся бы в счастливой улыбке, по достоинству оценив экспозиции, выполненные словно по чертежу самого Леонардо да Винчи. Серпы соседствовали с шестернями от лунохода, а в углу, прикрытый промасленной фуфайкой, висел портрет Михаила Сергеевича Горбачёва. На лбу генсека красовалась копоть в форме знака «&», и никто не знал, откуда это пятно взялось, но все уважительно называли его «Символом Конверсии». Только вот самому кузнецу было не до символов — каждый вздох в этом царстве копоты и ржавчины напоминал

попытку закурить в работающем доменном цехе, а уж когда горн раскалялся добела, казалось, что преисподняя решила взять выходной, но забыла закрыть за собой дверь.

Отец мой, Анатолий Захарович, или просто Захарыч для своих и Кузнец для прочих, был мужчиной той породы, которая встречается реже мамонтов в начале голоцена, но еще активно обитает в Сибири в заповедных местах вроде кузниц и гаражных кооперативов. Крепкий, будто собранный из тех же рельсов, что он ковал, лысоватый, с округлым лицом и доброжелательной харизмой Леонова Е.П. Он производил впечатление человека, способного голыми руками завязать арматуру бантиком, а потом двумя пальцами, с хирургической точностью фокусника, выудить уголек из горна, чтобы мужики прикурили — не закоптившись. Конструктивная особенность 1949 года — щербинка между зубами — перекатывала матерные междометия с грацией кувыркающегося медведя одновременно придавая его улыбке неповторимый шарм человека, который может и гвоздь вытащить, и разве-селить.

В Леспромхозе, где даже мухи с грустными мордами летали по расписанию, существовало всего два легальных способа поднять себе настроение: получка, которая делала жизнь сносной, и свежий анекдот Гаврил Захаровича, который делал её прекрасной. При этом главным зрителем и единственным критиком номера неизменно выступал сам Гаврил Захарович — он закатывался раньше, чем доходила суть, и ржал

так, будто только что услышал лучшую шутку вселенной из своих же уст. А поскольку заразительный смех этого человека действовал почище испанки, уже через минуту хохотал весь завод, включая местного бухгалтера, который так и не понял, над чем, собственно, смеётся, — но за компанию. Так работала цепная реакция леспромхозной кузницы: без обогащения урана, зато с гарантированным взрывом дофамина и диафрагмы.

Гаврил Захарович был родным братом отца, моим дядькой, но в масштабах нашего населенного пункта на берегу реки Абакан он занимал должность куда более высокую, чем просто родственник. Он был совестью города. Точнее, ее отсутствием. Он был живым укором трезвому образу жизни и ходячим доказательством того, что если бросить пить, то организм начнет мстить тебе самыми изощренными способами. Например, потребует ходить на работу в носках. Или, не дай бог, заставит задуматься о смысле бытия.

Но я забегаю вперед. В тот день, с которого, пожалуй, стоит начать эту совершенно не выдуманную историю, в кузнице стоял привычный рабочий гул. Гул этот состоял из трех компонентов: шипения раскаленного железа, опускаемого в масло - звук, похожий на вздох разочарованного тестя, лязга молота - звук, похожий на падение рубля относительно доллара и бесед местных пролетариев. В кузнице было как в чреве кита: жарко, душно и местами уютно. Горн дышал ровно, пахло каленым железом и угольной гарью.

Дверь с грохотом открылась, впуская облако ледяного пара, в котором, словно античный бог в потертом ватнике, материализовался Евгений Павлович. Одевался Павлович всегда так, будто собирался не в леспромхоз, а на подпольное заседание политбюро в бомбоубежище. Ватник на нем сидел мешком, набитым надеждами на светлое будущее, которое так и не наступило. Карман на груди был оторван — по легенде, его в неравном бою порвал медведь, охраняя кусок колбасы, но по факту там просто прогнила нитка. Штаны были перемазаны краской такого спектра, который бы заинтересовал спектрографистов: левая штанина синяя, правая — зеленая. На ногах — калоши поверх сапог, сияли так, будто их начистили ваксой в генштабе НАТО, которые при этом с каждым шагом издавали звук, напоминающий поцелуй сильно пьяного человека с тарелкой холодца.

Лицо Евгения Павловича являло собой смесь шарпея с глубокой печалью и легкого похмельного недоумения. Недельная щетина топорщилась так, будто ее пытались причесать против шерсти сапожной щеткой. Волосы на голове, седые и жесткие, напоминали перекати-поле, застрявшее в телеграфных проводах. В руках он мял кепку с таким усердием, словно пытался добыть из нее кролика, но вместо кролика из нее сыпалась только труха солярки и печаль о несбывшихся надеждах заглядывать в пустой холодильник, надеясь найти там икру из «Светлого будущего».

— Захарыч, — начал он, запыхавшись будто за ним гнал-

ся агент из местного отделения «МММ-Инвест» и нервно поглядывая на человека, которого заметил в углу кузницы чье лицо никак не выходило разглядеть после яркого уличного света. — Скоба нужна... Позарез. Я людям пообещал.

Отец даже не обернулся. Он аккуратно, двумя точными ударами, выравнивал какую-то ось. Удар молота — звон. Второй удар — гул. В этой какофонии он слышал все, что ему было нужно.

— Для чего, Женя? — спросил отец, кладя молот на наковальню и вытирая лоб рукавом робы, который когда-то был просто кожаным, а теперь напоминал геологический срез эпохи палеозоя.

— Женя, у тебя за душой из хозяйства только кроличья шапка, да табуретка на трех ножках. Что ты кому наобещал, опять? Может, тебе сразу капкан на медведя выковать, пока фантазия разыгралась?

Евгений Павлович выдержал драматическую паузу — будто готовился не фразу сказать, а лично подписать указ «О досрочном завершении эпохи филантропов». Снова уставился в самый дальний, подозрительно тёмный угол кузницы, где чьи-то глаза тускло поблёскивали, словно две забытые копейки. Из-за контраста света понять, кто там сидит — то ли сосед по гаражу, то ли его совесть, — было решительно невозможно. Затем он торжественно перевёл взгляд на отца и выдал сакральную фразу, достойную того, чтобы её не просто выбили на мраморной плите у проходной Леспромхоза,

а ещё и стихи на заборе добавили:

— Для того, чтобы держать мир в равновесии! А то несправедливо как-то: вторую неделю из отпуска вышел, а ничего полезного с работы домой не притащил. Я, между прочим, свой ваучер в Леспромхоз вложил! Я теперь акционер! Так и до коллапса недалеко — мир перекосит в сторону жгучей несправедливости. Ощущаю себя так, как будто меня каждый вечер цыгане на вокзале обувают и ещё на сдачу обзывают. Диссонанс в душе размером с проходной балл в МГУ. Вселенская несправедливость. Я вчера на собрании акционеров был. Ну, как на собрании... У ларька стояли, решали, кто крайний. А сосед по гаражу, тоже, между прочим, вложивший свой ваучер в наше светлое будущее, мне и заявляет: «Я первый, мне ещё приبلуду на ворота придумать надо». И тут меня осенило, Захарыч! Я сразу о тебе подумал. Потому что у тебя точно заваялось что-то, на приبلуду похожее. И я соседу сегодня принести пообещал. Понимаешь, мир может треснуть прямо по экватору, если я ему хоть какую-то полезную хреновину с работы не принесу. А так — все при деле: сосед счастлив, я хороший, ты — кладезь мудрости и железа. В общем, скоба нужна. Железная. Надёжная. Как я её на гараж соседу повешу — сразу морально легче станет. Вроде и ты при деле, и ворота держатся, и я соседу пообещал, да и совесть спит спокойно, обманутая очередной благородной целью.

Отец, в фартуке, больше похожем на кожу питона, про-

глотившего трактор, рассмеялся:

— Ты, Палыч, классик жанра. «На работе ты не гость, захвати с собой хоть гвоздь». Ладно, выкуем тебе скобу для душевного равновесия и хозяйственных нужд, будет тебе скоба. Универсальная. Подойдет и калитку подпереть, и совесть успокоить. Но смотри мне. И своим акционерам передай: если ты эту скобу по пьяни потеряешь и мировое равновесие опять нарушится, следующую я выкую уже из твоих саней. Вместе с полозьями.

В углу словно древнее ископаемое, потревоженное взрывными работами в карьере, высунул голову из своего убежища Гаврил Захарович. Выглядел он сейчас как человек, который только что украл медный кабель с трансформаторной будки, но успел обменять его на томик Шопенгауэра и банку кильки в томате. Босые ноги, где пол был вечно в окалине, — стояли на ледяном бетоне с таким видом, будто под ними была перина. Усы, густые и желтоватые от курева, топорщились в стороны, придавая ему сходство с уставшим, но очень хитрым моржом. От него исходил легкий аромат одеколona «Саша», который в эпоху тотального дефицита был валютой тверже доллара, и ностальгии по трояку, на который можно было взять «Московской» и еще на закуску оставалось.

Его голова была увенчана роскошными, русыми кудрями, которые торчали во все стороны, будто их обладатель всю ночь пытался починить проводку в розетке методом научного тыка - вилкой. Усы его, напоминающие по форме и раз-

меру небольшого вомбата.

— Ты, Палыч, со своим ваучером как тот медведь в малиннике, — раздался хрипловатый, но удивительно жизне-
радостный голос. — И ягод не собрал, и кусты помял, а глав-
ное — людей насмешил.

Евгений Павлович вздрогнул и взгляделся в темноту. Там, на перевернутом ящике из-под динамита для шахты, сидел Гаврила Захарович.

Если бы существовала академия прогулов, Гаврила Захарович был бы ее ректором, деканом и почетным сторожем по совместительству. Бывший главный механик Леспромхоза, человек, чья карьера рухнула не из-за некомпетентности, а из-за излишней демократичности. Легенда гласила, что он распивал на боевом посту чистый спирт с подчиненными слесарями, и когда нагрянула комиссия, Гаврила Захарович, будучи в состоянии глубокой задумчивости, пытался починить комиссионные часы «Полет» молотком и какой-то матерной присказкой. После этого его перевели из начальников в рядовые слесари, о чем он ни разу в жизни не пожалел. «Ответственности меньше, а алкоголя столько же», — говорил он.

Присутствие Гаврилы в любом помещении автоматически снижало уровень пафоса до нуля, а уровень абсурда взвинчивало до небес.

В руках у него был журнал «Rider's Digest». Про успех, мотивацию, с анекдотами про ковбоев и глянцевыми страница-

ми, на которых красовался заголовок: «Как вырастить арбуз в условиях вечной мерзлоты». Журнал этот служил Гавриле Захаровичу чем-то вроде скатерти-самобранки. Текст убеждал читателя, что тот уже стал потенциальным обладателем приличной суммы — миллиард-миллионов рублей, квартиры, новенького автомобиля и лошади. Рядом сиротливо, но ярко лежали конверты с обещаниями баснословных выигрышей в случае «абсолютно правильного» выбора и покупки подписки на сто лет вперед. Для удобства прилагалось оформить два конвертика и кредит: один — с марками и с ответом «ДА, я хочу стать миллиардером и подписаться на кредит», выделенным жизнеутверждающим зеленым, а второй — с ответом «НЕТ, я обсосанный чмырдяй и в подписки не нуждаюсь», выделенным красным. Второй конверт, к слову сказать, был без марок, без адреса и вообще выглядел как чистое редакторское убеждение. Прямо на конверте с надписью «Да» уютно разместился аппетитный шмат сала с чесночными прожилками. А на конверте с надписью «НЕТ» — контейнер из-под маргарина «Рама», который теперь использовался как пепельница для окурков «Прима».

— Это все происки империалистов. Они надеются, что мы, простые сибирские мужики, клюнем на их вот эти вот бумажки и перестанем ковать счастье своими руками. А я им фигу с маслом! Я не за миллиардами гоняюсь. Я за идею. Мне просто нравится сам процесс заполнения анкеты. Там, знаешь, в графе «Увлечения» я написал: «Чтение на зава-

линке и моральное разложение коллектива».

Он тут же, в лучших традициях кузницы, извлек из кармана газету «Правда» за 1987 год, насыпал туда самосаду, перемешанного с чаем для аромата и экономии и скрутил конструкцию, именуемую в народе «козьей ножкой» — шедевр инженерной мысли, который дымил, как паровоз, и вонял, как паленая портянка.

Отец, не глядя, подцепил огромными клещами уголек из горна, красный, с синими прожилками огня, и протянул Гаврилу. Тот, прищурившись от жара, прикурил свою вонючую сигару и блаженно затянулся.

— Конверты свои не подожги, тут все в масле. А то вместо скобы придётся новый Леспромхоз ковать.

Вонючий дым клубами поплыл к потолку, обжимаясь с паром и гарью. Атмосфера приобрела шарм подпольной организации, подходящей для откровений и для грандиозной подколки.

— Жень, — голос Гаврил Захаровича был похож на едкий звук, с которым гвоздь царапает шифер. — А, что за сосед по гаражу? У тебя ж гаража нет. Ты же его еще в прошлом году на дрова в баню пустил, когда замерз, как ксолоитцкуинтли в Сибирской тайге под Новый год.

— Баня — это святое! — обиделся Евгений Павлович. — А гараж... Гараж — это предрассудки буржуазного общества. Я человек открытый. Пусть все видят, как я красиво живу.

— Какую именно они должны увидеть красоту? — поинтересовался Гаврил Захарович, разгоняя облако дыма и докуривая «козью ножку» до такого состояния, что она становилась опаснее противотанковой мины. — Дыру в шифере размером с Чернобыльскую АЭС и козу Маньку, жрущую твою же герань? Красота, конечно, неопиcуемая.

Гаврил Захарович вздохнул так глубоко и скорбно, что в кузнице на секунду стало тихо, как в библиотеке имени Ленина.

Евгений Павлович повернул голову, сфокусировал взгляд на Гаврил Захаровиче, который в этот момент пытался пальцем ноги поддеть закатившийся под ящик конверт «ДА», и ухмыльнулся. Ухмылка у него была та еще — будто оскал хорька, залезшего в курятник, и вдруг метнул в Гаврил Захаровича словесную «гранату»:

— Э-э-эх, Гаврил Захарович! Погляжу я на тебя, и сердце кровью обливается. Такого человека загубил...

— Какого это я загубил? — Гаврил Захарович округлил глаза, будто поймал себя на краже космического корабля.

— А вот это ты нам скажи, только честно, как перед богом и участковым Малинкиным: ты ж раньше-то человеком был. Вон, механиком, считай, в Леспромхозе заправлял. Кулаком по столу — мужики в струнку. Водку пил с таким размахом, что Госплан завидовал. А сейчас что? Пить бросил! И что мы видим? Мы видим трагедию! Организм в шоке! Печень твоя, Гаврила Захарыч, она ж рыдает теперь, как студентка

пединститута на лекции по сопромату! Раньше хоть алкогелем баловался, а теперь с босыми ногами в кузнице от безделья скучаешь! Весь твой потенциал, вся твоя харизма — они ж в адекватности растворялись! А сейчас ты чистый, как слеза комсомолки, и такой же бесполезный для мирового баланса! Ты раньше с босыми ногами по снегу бегал в поисках приключений, а сейчас сидишь на ящике и философствуешь под кефир. Это ж деградация!

Гаврила Захарович слушал эту тираду с выражением лица человека, которому сообщили, что он выиграл в лотерею «Запорожец», но автомобиль придется везти с Чукотки на собачьих упряжках. Смесь изумления, возмущения и искры безумного веселья. Он было уже попытался что-то возразить, но Евгения Павловича уже запряг свою лошадь и понесся в галоп по кочкам нелепостей.

— Раньше-то, как было?! — Евгений Павлович вскочил с чурбака и начал расхаживать по кузнице, размахивая руками как дирижерской палочкой. — Раньше твоя печень, как Завод имени Лихачёва! Гудит, дымит, перерабатывает сырье! Спирт туда — энтузиазм оттуда! Ты ж был как ГКЧП в миниатюре — весь такой в броне и с бунтом внутри. А теперь что? Тишь да гладь, да кефирная благодать. Печень твоя простаивает без сырья! Она, поди, уже усохла до размеров грецкого ореха и пишет письма на завод в Темрюк с просьбой прислать ей хотя бы пузырек для протирки.

— Аналитик хренов, — голос Гаврилы Захаровича стал

вкрадчивым и тихим, что не предвещало ничего хорошего.
— Скобу у Тольки выпросил?

— Ну, выпросил, — насторожился Евгений Павлович.

— Так вот, я тебе обещаю, — Гаврила Захарович широко улыбнулся, и его усы встали торчком.

— В следующий раз я лично попрошу Анатолия, чтобы он тебе, злому гению юмора, не скобу дал, а прямо в карман штанов тебе уголек засунул. Вот тогда и посмотрим, как быстро твоя дырявая память родит шутку про то, чья печень плачет. Я посмотрю, как ты заплывешь танец маленьких лебедей, когда у тебя в портках начнется термоядерная реакция.

Евгений Павлович на мгновение представил эту картину и машинально прикрыл ширинку рукой. Гаврил Захарович заржал, да так, что с потолка посыпалась сажа. Отец, всё это время молча раздувавший меха горна, гулко расхохотался, и эхо его баса заметалось под сводами кузницы, как пойманный голубь.

— Ладно, Палыч, сдавай назад, пока цел, — прогудел отец, вытаскивая из горна раскаленную докрасна заготовку для палычовой скобы. — С Гаврилой спорить — что против лома с перочинным ножиком идти. Он тебе сейчас такую историю расскажет, как он пить бросил, что ты сам в монастырь уйдешь, грехи замаливать.

Гаврил Захарович покосился на Евгения Павловича взглядом, которым удав смотрит на кролика, подавившегося

морковкой. Он медленно, с достоинством римского сенатора, которому подали не тот сорт винограда, сунул ему в руку окурок «козьей ножки» и потянулся к журналу «Rider's Digest», подтер им грязь с босых ног, и только потом ответил.

— Жень, ты когда-нибудь видел, как унитаз работает? — спросил он тоном профессора кафедры гидравлики.

Мужики переглянулись. Такого поворота никто не ожидал. Даже молот в руке отца замер в воздухе.

— Ну... видел, — осторожно ответил Евгений Павлович, чувствуя подвох. — Вода туда, вода сюда. Ничего особенного.

— Вот! — Гаврил Захарович поднял вверх указательный палец, который из-за въевшейся копоты напоминал обгорелую спичку. — Ничего особенного. А я тебе, как бывший механик с двадцатилетним стажем и будущий лауреат премии «Золотая прокладка», скажу: унитаз — это зеркало души человеческой. Когда ты пьешь, Жень, твоя жизнь — это вода в бачке. Бухает, шумит, плещется, грозит затопить соседей снизу, но всегда есть рычаг, который можно дернуть, и всё утихнет.

В кузнице повисла пауза. Евгений Павлович даже выронил окурок «козьей ножки» прямо в лужу машинного масла, где тот зашипел, словно соглашаясь с глубиной мысли.

— Это, ты Гаврил Захарыч, сильно загнул, — выдохнул Евгений Павлович, уважительно качая головой. — Это прямо как у классиков... у которых фамилия обычно на «-ский»

заканчивается. У тебя талант пропадает. Тебе бы книжки писать, а ты сало на конверты кладешь.

— А смысл? — пожал плечами Гаврил Захарович, снова укладываясь на ящик из-под динамита.

— Книжки пишут для того, чтобы их потом в туалете читали. А я предпочитаю сразу переходить к сути процесса, минуя стадию бумаги. Так экологичнее. Садись... Расскажу, как дело было.

Глава 1. Побег из огорода, подальше от Кольки и Апрельки.

Каждую весну Абаза выходит из анабиоза не как обычный человек, а как биологический робот с прошивкой, не обновлявшейся со времён Столыпинской реформы. И в Гавриле Захаровиче непременно просыпается тот самый древний синдром — дачника с примесью партизана. Первый взгляд за окно упирается не в солнце, а в чёрный, спекшийся прямоугольник земли, напоминавший корку пригоревшего хлеба, переборщившего с температурным режимом. Никакой лаванды там, разумеется, не росло, но в голове хозяина уже цвели сады Семирамиды. Первые тёплые выходные были священным временем психоза. Ещё не разогнув позвоночник после посадки обязательной картошки, огородник уже рисовал картины: «Вот здесь пойдёт редкий сорт томата Бабушкин позор, плодоносящий ровно одним плодом, но размером с голову племенного бычка. Соседка лопнет от разрыва желчного пузыря, когда увидит эту генетическую аномалию».

Однако ирония заключалась в том, что соседка в этот же час стояла в идентичной позе зародыша над своей грядкой и думала ровно то же самое. В руках она сжимала пакетик семян, купленный у бабки на центральном рынке, с надпи-

сю «Возможно огурцы. Ну или внук что-то по осени насобирает». Обе стороны конфликта уже вступили в необъявленную гонку огородных вооружений. Дошло до того, что Гаврил Захарович тайком вымерял шагами расстояние до забора соседки — не украла ли она полсантиметра его чернозёма? Чернозёма, надо сказать, там отродясь не было, одна слежавшаяся пыль с примесью гравия, но принцип!

Первые две недели огород представлял собой филиал небесного блаженства. Хруст лопаты о дёрн, запах сырой земли и навоза — всё это вдыхалось с чувством, будто это мироточивая икона. Гаврил Захарович даже начал читать статьи про пермакультуру и чуть не купил книгу «Огород без напряжения», но потом вспомнил, что в Сибири любая культура заканчивается там, где начинается настоящий гнус. И точно: стоило июньскому солнцу подняться чуть повыше, как из тайги выдвигалась Орда. Гнус. Мошкара. Туча крылатых иголок, чьей единственной эволюционной целью было добраться до печени огородника, минуя кожу. И тогда сибиряк, ещё неделю назад читавший статьи про французский Прованс, выходил на прополку в экипировке ликвидатора. Противогаз, куртка на рыбьем меху, штанины, замотанные тряпичной подвязкой. Стоя на четвереньках в морковной ботве, он издавал глухое, почти медитативное рычание — сибирскую мантру отчаяния: «Лучше бы я в Сочи дворником сдох... За что мне эта кара... Почему эта трава лезет, когда я с корнем выдрал её вчера? Да она назло, гадина, растёт!»

И именно тут, в позе ракообразного, огородника настигла Зависть. Чёрная, вязкая, как болотная жижа весной. Зависть к соседу Ваське. Васька был позором улицы, её гнилым зубом мудрости. Его участок являл собой биом постапокалипсиса: лопухи размером с малолитражку, крапива, которой брезговали даже всеядные куры. Васька лежал на крыльце, пил холодные напитки из трёхлитровой банки и перелистывал журнал с красивыми и ухоженными картинками огородов. Каждое движение тяпки на соседнем участке отдавалось в душе труженика ядовитой мыслью: «Вот гад. Бездельник. И ведь ему этот огород даром не упёрся!» Но Васька был неуязвим. Скрип его летней веранды звучал громче артиллерийской канонады, и в этом скрипе была заключена вся несправедливость бытия. Порой Гаврил Захарович ловил себя на том, что всерьёз обдумывает план ночной диверсии с лейкой и крапивным настоем, но совесть (и Лиля Васильевна) останавливали.

Потому что огород в Сибири — это не источник витаминов. Это ринг. Война с природой, которая тебя ненавидит, и с соседями, которые ненавидят тебя чуть меньше, чем колорадского жука. Взять, к примеру, войну за межу. Любой сосед, не имевший геодезического образования, но обладавший рейкой и бутылкой самогона, каждую весну объявлял, что забор «уплыл» на его территорию на пятнадцать сантиметров. «Ты своей дорожкой, — каркал он, — мне доступ солнца к теплице перекрыл! У меня огурцы теперь кривые

от нервов растут!» Начинался многомесячный театр войны, который заканчивался в ноябре, когда обе стороны забывали, из-за чего сыр-бор горел. А на следующую весну — всё сначала, будто по сценарию, написанному психопатом.

А святая святых — трактор. Один на всю округу. Его водитель, Серя-Вася, с хитрым взглядом человека, познавшего тщету всего сущего, был верховным жрецом пахоты. К кому он заедет первым, тот имел полное моральное право не пропускать технику через свой огород к соседям. От этого зависело, будешь ты ходить с осанкой патриция или до июня долбить землю лопатой, матеря Серю-Васю и его трактор. Гаврил Захарович однажды подкараулил Серю-Васю у магазина, сунул ему пол-литра и кусок сала — и трактор пришёл первым. Соседка обиделась до слёз и две недели не здоровалась. Гаврил Захарович же ходил именинником.

Всё, что удавалось вырастить ценою радикулита и морального истощения, осенью стаскивалось в Погреб. Погреб — это не овощехранилище, это герметичный склеп сибирской уверенности в завтрашнем дне. Дверь туда открывалась с тем же трепетом, с каким вскрывают гробницу фараона. Внутри, в многослойных геологических отложениях, покоились банки. «Вишня-88», «Огурцы (взрывные)», «Рагу овощное, консистенция замазки для окон». Археолог из будущего, наткнувшись на этот подвал, решил бы, что это культовое сооружение поклонения божеству по имени Запасливость. Запасов хватило бы на прокорм средней переписи населения

небольшого китайского уезда лет на пятнадцать-двадцать. И каждый год Лиля Васильевна клялась, что больше ничего закатывать не будет. И каждый год в августе её можно было найти с эмалированным тазом огурцов и лицом полководца перед решающей битвой.

Выдача провианта из этого бункера происходила по строжайшему регламенту. Хозяйка-хранительница спускалась вниз в галошах на босу ногу. Она выносила банку на свет. Смотрела сквозь неё, словно это был хрустальный шар. Внутри бултыхалось нечто, по цвету напоминающее болотную тину. Определить природу субстанции не брался бы даже хроматограф. Смородина? Свёкла? Кабачковая икра, которая от горя сама захотела стать чечевичной похлёбкой? Хозяйка нюхала крышку, и по напряжённому молчанию членов семьи становилось ясно: решается судьба ужина. Наконец вердикт: «Бери. Это пятнадцатилетней выдержки смородина. Кажется, забродила, но для пирога пойдёт. Главное, не дыши, когда пробку снимаешь».

И вот тут-то, когда вечернее солнце уже не жалило, а в воздухе пахло перегноем и дымом, звучала фраза, мощнее которой нет ни в одном языке мира. Фраза, выкованная поколениями сибирских скопидомов: «Банку верни. Слышишь? Верни банку. Эту, с рифлёным доньшком и зелёной крышкой. Её прабабка ещё с довоенных времён берегла. А то не дам больше ничего!» В голове моментально вспыхивал образ шкафа в тесной городской кухне, где пустые банки

живут плотнее, чем квартироръёмщики в общежитии. И ведь не заканчивается всё стандартным сервантом! Там существуют особые, параллельные измерения — легендарные шкафы над коридором. В этих антресолях, судя по всему, банки ещё и размножаются почкованием: залезешь через год — а там уже целая батарея стеклотары, о которой ты и не знал. Ими не пользуются. Их не выбрасывают. Их, как мощи святого, передают по наследству, нежно перекладывая истлевшими газетами «Сельская жизнь» за 1987 год. Гаврил Захарович как-то попытался тайком выкинуть треснувшую пол-литровку — Лиля Васильевна обнаружила пропажу через три часа и устроила допрос с пристрастием. «Ты что, не понимаешь, — рыдала она, — у этой банки горлышко овальное, такие уже пятьдесят лет не делают!» С тех пор Гаврил Захарович выкидывает только явно разбитое, и то под покровом ночи.

Но была в этой жизни одна сила, которая перекрывала даже банковый культ. Сила бодливая, свирепая и пакостная до такой степени, что сам Сатана, глядя на неё, снимает шляпу и уважительно цокает копытом. Речь о корове Апрельке. Рыжая туша с глазами, которые смотрели с такой неподдельной, почти артистичной антипатией, будто ты лично скрестил её мать с танком и эта гремучая смесь способна разрушить любую психику. Апрелька, названная в честь месяца своего рождения, словно какой-то римский император, страдающий ожирением и отсутствием совести, появилась на свет восьмого апреля. И с этого момента календарь пере-

стал иметь значение, ибо все триста шестьдесят пять дней в году стали днём суда. Суда коровьего, беспощадного и с неутомимой энергией.

Доить эту рогатую диверсию можно было ровно пять месяцев в году. Исключая, разумеется, апрель — её личный священный месяц рождения. А также, по её личному коровьему указу, три месяца до апреля и три после. Потому что она, видите ли, «в декретный отпуск уходит». Скандальная, как продавец советской заправки в очереди за колбасой, Апрелька без особого повода орала на всю округу. Не доилась. Заходила в любой плохо охраняемый огород к соседям, потому что свой огород она уже превратила в полигон для испытания ядерных копыт, а соседский — это такая французская Ривьера, где растёт капуста. Все военные преступления, совершённые этим животным, описать в пределах одного рассказа невозможно, поскольку её неутомимость и свободолюбивый нрав ежедневно на своих рогах приносили какие-то новости.

Однажды она очутилась В ПОГРЕБЕ. Как она туда провалилась — загадка, достойная внимания Стивена Хокинга. Видимо, корова решила, что раз римский император, то и жить должна в катакомбах. Сидит внизу, в темноте, доедает квашеную капусту да ошмётки солений с невозмутимой коровьей мордой и чувством полного поражения человечества. Спасали её всем селом и автомобильным краном, а она вместо благодарности на прощание навалила на голову владель-

цу погребёба — прямо на его любимую кепку, которая после этого пошла на тряпки. Любая выращенная капуста в пределах пешей досягаемости Апрельки подвергалась геноциду. Но она не жрала просто так. Она топтала. Она радостно танцевала на каждой грядке, выписывая копытами какой-то сумасшедший ритуальный танец. А потом аккуратно, с почти буддийской отрешённостью, съедала верхушки самых красивых кочанов, оставив пеньки и памятный «подарок», похожий на архитектурную композицию из переваренной капусты, украшенную бантиком из собственного же лопуха.

А что она вытворяла с бельём! Любое попавшееся на пути, оставленное сушиться на верёвке добро — простыни, наволочки и, главное, панталоны. Особенно кружевные, малиновые, с рюшами. Апрелька, как настоящая дама с тонким вкусом, испытывала врождённое чувство прекрасного и примеряла всё на себя. Одним ловким движением мощной шеи и рога — и всё чистое и белое отправлялось в грязь как не соответствующее концепции природного естества. Она втаптывала копытами всё белоснежное ввиду схожести с нелюбимым снегом, а потом надевала самые красивые панталоны на свой правый рог и ходила по селу этакой карибской королевой пиратов с «весёлым Роджером» на заднице. Честное слово, она гордилась собой. Лиля Васильевна однажды застала Апрельку в момент, когда та примеряла её любимую ночную рубашку. Завязалась борьба, в результате которой корова ушла победительницей, а рубашка осталась висеть на

колючей проволоке, разорванная в ключья.

Терроризм малых форм. Апрелька обожала оставлять сюрпризы. Свежие, ароматные, размером с велосипедное колесо. И ждала, пока какой-нибудь разиня, не закрыв рот, автоматически туда наступит. Апрелька стоит в отдалении и ехидно ухмыляется — насколько это вообще возможно для коровы. Она мостилась спать посреди дороги, причём так, что не обойти. Она сжирала помидоры прямо с куста, причём не дозревшие — ей подавай зелёные, она их любила за хруст. Она разобрала забор к соседям, не потому что хотела к ним в гости, а потому что забор ей просто не нравился — косо стоял, портил пейзаж. Проявляя нездоровое любопытство, она засунула морду в окно и съела у соседа картошку прямо из тарелки. Сосед, здоровый мужик, бывший шахтёр, после этого плакал и говорил, что видел всякое, но чтобы корова ела у него из-под носа — это перебор.

От всего этого безобразия каждый год хотелось собрать чемодан. Потому что корова выходила из зимней спячки (да, она тоже впадала в неё по настроению). Она орала с четырёх утра под окном, требуя, чтобы её отпустили губить урожай. Она пинала сарай, гоняла петухов и писала в ведро с питьевой водой, которое стояло у крыльца «для красоты». Корова по имени Апрелька — это не просто животное. Это кармическое возмездие. Это знак того, что где-то в прошлой жизни Гаврил Захарович был тираном и теперь расплачивается. Он частенько сидел на крыльце, глядя, как Апрелька с гор-

дым видом обходит свои владения, и думал: «Ну, может, в следующей жизни я буду бабочкой. Или хотя бы кактусом. У кактусов нет молока, которое надо отдавать два раза в день».

Но, как говорится, одни проблемы хороши, когда есть другие, ещё более весёлые. Потому что помимо коровы был у Гаврила Захаровича сосед — местный юродивый Колька ГорАвый, которого за уникальную способность пить не глядя что в народе прозвали Колькой ГорЛовым. Колька вообще был страшно аварийный: с одной стопки его уносило в хлам, и он тут же начинал бузить на всё, что двигалось и не двигалось (например, столб, дерево и другие предметы, встречающиеся ему на пути). Каждый уважающий себя абазинец, у которого есть хоть клочок земли и корова по имени какого-нибудь месяца (Апрелька, Майка, Февралька — все они были под стать друг другу), рано или поздно начинает мечтать хоть на недельку вырваться из цепких, словно щупальца гигантского осьминога, объятий родного огорода. И главное — вырваться от местного вороватого юродивого, гения стакана и позора посёлка — Кольки ГорАвого, бастарда мамкиной ветрености.

Колька был очень бдителен до чужого имущества и при первой же возможности присваивал его себе. Он регулярно пил свиную, ослиную, коровью мочу, хоть немного разбавленную спиртом, и при этом требовал добавки на спор, хотя с ним никто и не спорил. Он просто кричал: «Спорим, я это сейчас выпью!» — и залпом выпивал, пока наблюдатели на-

ходились в шоке, не успев произнести ни слова. Это не человек — это аварийное биологическое оружие, которое бесцельно само себя перемещает в пространстве. С одной стопки ослиной мочи его уносило в такие дебри, откуда не возвращаются даже смелые грибники. Он начинал бузить на всё, что движется: на кошек, на тень, на собственные ноги. А если что-то не двигалось — например, фонарный столб, забор или древняя груша, — Колька пытался это пометить, забыв при этом снять штаны, и по факту метил только себя, причём так «пометить» он мог, проходя по одной улице пять-шесть раз, всегда возвращаясь домой сильно мокрый.

Детвора посёлка, обладающая талантами, которым позавидовал бы сам Есенин, сочинила про Кольку гениальный фольклор, применяемый в качестве детской считалочки в играх:

Горловой-Горловой — придурковатый и простой! Он с утра бродит, на голубей походит. Колька пьёт — семья в тревоге живёт, А кого найдёт — того рогами забудет. Колька пьёт — и день пройдёт, Колька спит — и год летит. Колька пьёт, не видя берегов, Потерял работу, дом, любовь. Кого догоню, того заклюю-заплюю. Разбегитесь, детвора, по двору, туда-сюда! Раз, два, три — попу бережно протри. Кто забыл — тому беда: Станет Колькой навсегда.

Услышав считалочку, Колька приходил в остервенение, достойное голодного глиста. Он блаженно кидался на детей, кошек, собак, кур и особенно на гусей. Гуси, кстати, одна-

жды дали ему сдачи, после чего Колька неделю ходил, косолапив и без того неровные ножки. Смелость просыпалась в нём только в толпе. Один Колька — трясущаяся, пахнущая овечьим стадом в мокрую погоду субстанция. Но как только рядом появлялся его брат, которому было искренне жалко слабоумного, Колька превращался в тирана. Брат с детства и до двадцати пяти лет вынужденно подтирал за ним козявки, которые Колька обязательно ел с видом знатока, дегустирующего редкое вино, сопли, а также следы эпических «аварий» по-большому прямо в штанах на людях. Однажды Колька обкакался прямо на крыльце зареченского ДК, приняв урну за туалет. Брату пришлось голыми руками оттирать ступеньки бензином и клясться, что это не Колька, а упавший с неба метеорит. С тех пор брат запил. Крепко и надолго.

Если же толпы не было, и Колька оставался один на один с миром, он резко добрел. Он тянул свою кривую, вечно грязную ручонку для рукопожатия — и горе тому, кто жал её. После этого руку можно было ампутировать ради безопасности организма. Пахло от Кольки так, будто стадо овец провело неделю в болоте, а потом их всех согнали в одного нестираного Кольку. Появлялся Колька на публике всегда с пригорбным лицом, достойным похоронной процессии, и ходил по соседям с сакраментальным: «Займи-до-получки». Дело в том, что Колька никогда и нигде не работал. Вообще. Даже не пробовал. «Получка» для него была таким же мифическим понятием, как единорог или честный гаишник.

Он просил пятьдесят рубчиков и мог поклясться мамой, папой, бабушкой и здоровьем братовых детей, что отдаст, когда станет постарше и поумнее — в двадцать семь ноль-ноль.

Но чаще всего соседа Кольку можно было встретить в трёх местах: там, где наливают; там, где разливают; и там, где... туалет. В Абазе-заречной туалеты строили по одному проекту с квартирами, то есть один дом на два соседа — так называемые двухквартирки с общим фундаментом, но разными входами. Вот и туалет в огороде был двухквартирка — двухместный деревенский туалет «Тронный зал сельской демократии». Сооружение, которое даже стыдливо назвать «скворечником», — это скорее памятник человеческой надежде на то, что до весны ещё дожить надо. Две дырявые кабинки из серых досок, скреплённых ржавыми гвоздями и молитвами. Крыша — шиферный коллаж: половину унесло ураганом, половину Колька растащил на розжиг, когда «экспериментировал с шашлыком из воробьёв». Дверь висела на одной петле и по ночам стучала — словно призрак того, кто когда-то здесь обитал, после того как объелся солёными огурцами и запил их парным молоком и самогоном. Внутри — классика жанра: дыра в полу, огромные мухи, прилипшие на стенах то ли от переедания, то ли от лени, паутина в углах и сопутствующий аромат, от которого вянет крапива у забора.

Но главная фишка этого заведения — Колька. Он оккупировал его каждое утро, абсолютно всегда и при любой погоде, как только солнце касалось горизонта, а жители его

кишечника начинали бить тревогу. Колька сидел в туалете. Кряхтел, как старый паровоз, пытающийся взобраться на гору. Ну а вообще иногда складывалось впечатление, что он там вообще всегда находится, будто это его вторая квартира. Утренний ритуал для Кольки — дело святое. Соседи, подходя к туалету, видели, что соседская дверь открыта, — значит, Колька уже там. Любил Колька во время раздумий созерцать свой заросший огород, да и упустить ему чего интересно-го не хотелось. Соседи же, очевидно, в битве за территорию проигрывали, дрожа от естественных потребностей, то ли от совести, то ли от желания интимно испортить воздух, терпеливо ждали, пока Колька «персональные дела справит». Кольку же это ни грамма не смущало, и он, никуда не торопясь, размышлял, сидя в позе думающей Венеры Милоской, только со спущенными штанами и с сигаретой в зубах: «Эх, жизнь... как таракан в компоте. Плаваешь, плывёшь, а потом хлоп — и выпить нечего...» Иногда, на милость соседям, Колька объявлял «Технический перерыв». Когда запас ворованной из соседских почтовых ящиков газетной бумаги, которую он называл «серой прессой», заканчивался. Газеты, к слову, Колька использовал не по прямому назначению, а для подтирания причинного места после артиллерийских залпов. Ну а иногда, когда вставать было лень, Колька начинал односторонний бартер с соседями, просунув руку в щель между стеной и ставив у соседей рулон туалетной бумаги, после чего, сильно кряхтя, освобождал содержимое,

стараясь направить результат в сторону соседа. По слухам, под дыркой туалета был зарыт клад: три бутылки «Столичной», которые Колька припрятал на случай ядерной войны. Место это вообще было наделено природным феноменом: после визита Кольки туалет пах так, что комары улетали, а соседская груша начинала плодоносить лимонами. Этот туалет — единственное место, где Колька чувствовал себя властителем дум, повелителем запахов и жрецом утренних испарений. Сельчане уже смирились: если из щелей не валит сизый дымок, а слышится матерное бормотание — значит, день начался как обычно.

Колька ГорЛовой — гений ретроспективной арифметики. В его мире два плюс два равно «а помнишь, как я тебе в прошлый раз наливал?» — правда, это был спирт именно того человека, кому это было адресовано. И ведь фактически он не врал, он... творчески пересматривал историю. В начале девяностых Колька и правда «богател» — если считать богатством три ящика стеклотары, найденные на свалке, и пару килограммов ворованных гвоздей, которые он гордо называл «запасом моей строительной империи». Его нелепые «бизнес-проекты» были шедеврами эпохи: то он торговал воздухом из-под крана, выдавая его за «элитный кислород с Припяти», то скупал у бабулек пустые бутылки, уверяя, что «скоро их будут менять на золото», то у кузнеца Захарыча тайком спёр конную косилку. Однажды он даже пытался продать соседскому козлу акции мифического завода

— тот, правда, предпочёл просто сжевать листок с плохо нарисованным Лениным.

Но времена изменились, а Колька ГорЛовой — нет. Теперь он занимал полтинник до зарплаты не потому, что беден, а потому что «вкладывается в ностальгию». Каждая взятая в долг купюра для него — билет в те славные дни, когда он «ходил в кожанке брата и часы с брильянтами носил». Часы были из жвачки «Love is...», а кожанка — продырявленный плащ от стоящего летом огородного пугала. Колька ГорЛовой — блаженный простофиля, в котором смешались горечь самогона, пыль просёлочных дорог и неистребимая вера в то, что завтра точно начнётся новая жизнь. Ну а пока можно и ещё на одну стопку у кого-нибудь занять. Его жизненная позиция проста: если день начался с трясущихся рук — это не похмелье, а «утренняя зарядка для сосудов». Колька — гуру импровизации: может приготовить борщ из крапивы и сигаретных окурков, починить забор соседской фанерой и уснуть стоя, прислонившись к корове, которую уверенно называет «мамкой». Он мастер превращать проблемы в ещё большие проблемы и дольку позора: когда у него ветром унесло последние штаны с верёвки, заявил, что «ветер жалко — там дырка на жопе была!», а потом три дня ходил в трусах с надписью «лазейка», утверждая, что это «возврат к истокам». Любимое хобби у Кольки — вести споры и переговоры с курами о мировой политике. Куры, по его словам, «консерваторы по своим убеждениям и давно отстали от

столичных новостей». А ещё Колька любил собирать «коллекцию»: в карманах у него часто бывали гвозди, пуговицы, полусъеденный пряник забытого года и записка от бывшей жены: «Шкварка со шнобелем, я ушла. И забрала пельмени». Однажды Колька выиграл в карты у беглого каторжника Струна петуха, потом проиграл его же, но так и не отдал, заложив каторжника — говорил, что «птица — заложник судьбы и неправильной математики». А ещё он уверен, что может общаться с потусторонним миром, и после третьей рюмки сам становится похож на что-то неприемлемое, и местные ребятишки тайком кладут ему под порог объедки, чтобы «Колька ГорЛовой не насрал на них свои знания по математике».

Колька ГорЛовой — это как тот самый забытый погреб в деревне: снаружи — развалины, а внутри — бутылки, тайны и пара коровьих лепёшек «на всякий случай». Без него село теряет краски: никто не напоит лягушек остатками дождевой воды, не провоет ночью под луной частушку «про любовь... про тебя... про Владимирский централ... джими-джими ача-ача» и не объяснит, почему жизнь похожа на ведро с солёными огурцами — «хрустит, да недолго». Его девиз: «В улей тут думать? Трясти надо!» И он трясёт — судьбу, карманы в поисках мелочи и головой, когда пытается вспомнить, куда подевалась та самая бутылка, что «точно была тут вчера». Село вздыхает, крестится, но шепчет: «Пока Колька ГорЛовой на улице — ничего кроме хлама у

соседей не пропадёт...» Колька регулярно напоминал деревенским о прошлом богатстве, чтобы хоть как-то оправдать текущий крах: «Я ж не нищий, я временно обедневший! В девяносто четвёртом у меня тут целых два гаража было!» Гаражи — это сарай с дырявой крышей и скамейка у магазина, в котором трудилась его престарелая мать. Любил Колька и создать вокруг себя ауру таинственности: «Да я мог бы вам всем кредиты раздать, да вот швейцарский счёт в Сберке заморожен!» В общем, убедил Колька сам себя, что жизнь его — не пьяный угар, а «крутой сюжет с флешбэками». Его займы — не попрошайничество, а «инвестиции в светлое прошлое». Когда он берёт у соседа пятёрку на бутылку «Боярышника», в голове у него рисуется картина: вот он, Колька-магнит, раздаёт долги мешками «потом-отдам», а пока — «нужно поддержать ликвидность, брат-кредитор!»

Вместе с Колькой проживала его мать — тётка-груша: вулкан в фартуке, у которой «клиент всегда не прав, а если прав — пусть квитанцию ищет». Этаким гибрид базарной Весты с паровозом: рост под метр с кепкой и примерно столько же в ширину к низу туловища, в засаленном халате цвета «слоновая кость», волосы — седой ёжик, заколотый спицей от старой вязальной машины. Говорят, этой спицей она однажды отбилась от Колькиных друзей, крича: «У меня тут не благотворительная столовая, а магазин, сволочи!» Лицо — будто карта местности: морщины-дороги ведут к хитрым глазам-щелочкам, которые видят насквозь, кто при-

шёл за солью, а кого и обсчитать можно. Голос — как сирена брошенной «Волги»: хриплый, с надрывом, но разносящийся на три улицы. Её магазин — филиал неприбранного ада с витриной. На полках — сюрреализм: банка с огурцами соседствует с китайским фонариком Made in China, а заготовленные ценники, написанные кривым почерком, ловко менялись в зависимости от внешнего вида покупателя, честно информируя: «Хлеб. Свежий. В прошлом месяце завезли». Тётка-груша не продаёт — она ведёт боевые действия. Покупатель попросит «молоко пожирнее» — получит лекцию: «Жирнее?! Да ты на родителей-то своих глянь, дорогуша, тебе обезжиренное до пенсии хватит!» Спросит сдачу — услышит: «Сдача? А ты мне сдачу за свою рожу дашь? Я на щётках всё верно посчитала, бери леденец и вали отсюда!» Фишка её характера — грубость как форма жизни. Когда Колька в детстве притащил домой бродячего пса, она орала: «Выброси эту шавку, а то я её в холодец пушу!» — а потом всю ночь шипела на Кольку: «Чего придумал, паршивец, сам жрёт за троих, ещё эту шавку приволок». Хотя в общем-то про невестку она сказала именно то же самое, отчего та и ушла. Соседи старались её всерьёз не воспринимать, но по возможности пользовались её служебным положением сельской продавщицы: когда в селе наступала жара — только тётка-груша крикнет: «Кому квасу для расстройства? Берите, сволочи, а то от жары сдохнете — кто мне долги отдавать будет?!» — и толпа бежит за спасительной бурдой. Её прошлое

— тайна. Говорят, в молодости она была «бригадиршей» — так объясняют её умение выбивать долги. А ещё она свято верит, что «все мужики — сволочи», и учит этому Кольку с пелёнок: «Гляди, сынок, вот твой отец... Нет, лучше не гляди. Выпей компоту и запомни: баба без кулаков — как ларек без замков!» Её философия: «Доброе слово и кошке приятно, а нам, дуракам, и подзатыльник впрок!»; «Хочешь мира? Готовься к тому, что тебя кинут на деньги. Лучше сама кидай первым!»; «Слезам делу не поможешь. А вот матом — запросто!» Однажды тётка-груша заставила плакать даже налогового инспектора. Тот пришёл с проверкой — ушёл с мешком гнилых яблок и фразой: «Это вам штраф... нет, вы уж сами разберитесь». А ещё она — единственная, кому Колька боится врать. Стоит ей рывкнуть: «Колька, ты опять бурды нализался?!» — он тут же выдаёт: «Нет, мам! Я случайно описался...» Другими словами, мать Кольки — это как тот самый просроченный майонез в ведре из её магазина: вроде бы испортился, но без него салат — не салат. Магазин «Окололица» держится на её крике, хриплом смехе и банке «секретного» самогона под прилавком — для «особо состоятельных клиентов».

И вот, окончательно устав от пыток огорода, коровы Апрельки, вечно заглядывающего в огород соседа Кольки Горлового, его туалетных оккупаций и тётки-груши с её философией, Гаврил Захарович однажды вечером сидел на крыльце. Лиля Васильевна стояла рядом, держа в руках пу-

стую банку с рифлёным доньшком и смотрела в сторону коровника, откуда доносилось победное мычание — Апрелька только что сожрала очередную порцию капусты, выращенной кровью и потом. Колька ГорЛовой, сидя на своём троне, громко кряхтел и пытался поджечь газету прямо в туалете, чтобы «света было побольше для чтения». И тут Гаврил Захарович сказал то, что зрело в нём три последних года:

— Лиля, а давай-ка мы в этом году точно поедем. На Кубань. К свояку. Плевать на огород. Плевать на Апрельку. Плевать на Кольку. Пусть хоть трактор Серя-Вася нам в забор въедет.

Лиля Васильевна, женщина суровая, но справедливая, помолчала минуту, потом перекрестилась на восток (почему-то именно на восток, хотя Кубань на юге) и выдала:

— Едем. Но сначала надо решить, на кого оставить это безобразие.

Переглянулись. Решение пришло мгновенно. Из двух зол выбирают меньшее. Вариант первый: Колька сам залезет и начнёт хозяйничать, когда они уедут. Вариант второй: сказать Кольке прямо, дать ему самогона за присмотр — тогда он хотя бы будет чувствовать ответственность. Выбрали второе, предварительно заперев сарай на три замка и спрятав Апрелькины рога (в прямом смысле — Лиля Васильевна на всякий случай напилела веток и загородила калитку).

Кольке ГорЛовому провели инструктаж. Лиля Васильевна стояла с перечнем, похожим на план военной операции.

Гаврил Захарович держал перед собой ящик «Абазинской бормотухи» — собственного производства, двойной перегонки, с секретным ингредиентом из соседских яблок.

— Колька, слушай сюда, — строго начала Лиля Васильевна. — Корми кур. Два раза в день. Не надо поить их своей мочой, они и так нестись перестанут от страха. Апрельку подоишь утром и вечером. А то вернёмся — она тебя сама подоит, и не тем местом. В огород не заходи, а то примем за сорняк и выдернем вместе с лопухами. Понял?

Колька кивал, икая, и смотрел на ящик с «бормотухой» глазами ребёнка, которому пообещали целый новогодний подарок. Хотя в глазах читался и ужас человека, впервые увидевшего вблизи живое коровье вымя. Гаврил Захарович добавил:

— За ящик отвечаешь головой. Не выпей всё в первый же день. Растяни удовольствие. Ну и банки потом верни. Все до единой. С рифлёным донышком. Я их пересчитал.

Для надёжности написали расписание на холодильнике, прямо на магнитике с видом Парижа: «Понедельник: Апрелька. Вторник: Апрелька. Среда: Апрелька. Четверг: Апрелька и куры (не перепутай). Пятница: Апрелька и если останешься жив — полей огурцы ведром воды. Суббота: отдых (от Апрельки не отдыхать). Воскресенье: молись, чтобы мы поскорее вернулись». Колька клятвенно пообещал, что справится, хотя его левая рука уже тянулась к ящику.

Сборы начались за месяц. Лиля Васильевна, как шершень

на варенье, носилась по дому: «А вдруг на Кубани похолодает? Шерстяные носки брать! А вдруг банкет? Платье с рюшами! А вдруг чача крепкая? Аспирин! А вдруг Свояк устроит экскурсию в горы? Ботинки на платформе! А вдруг там, как у нас, гнус? Репеллент! Нет, два!» Чемодан набила так, будто не на пару недель, а в кругосветку на плоту собрались. Гаврил Захарович робко предложил: «Может, возьмём зубную пасту вместо третьего утюга?» — «Ты что, там у Свояка утюг сломается, а мы будем ходить в мятых рубашках позориться?!» Пришлось Гаврилу Захаровичу сдаться — везут утюг. И ещё гладильную доску. И штопор (Кубань, чача — не шутка). И запасную банку тех самых окаменевших огурцов, чтобы Свояк знал, каково это — сибирское долголетие в рассоле.

А Гаврил Захарович тем временем развернул бурную деятельность в бане. Сибирский алхимик-любитель ввязался в авантюру благородную и пастеризованную: нужно было подготовить подарок Свояку. Не ехать же с пустыми руками? Свояк, понимаете ли, с Кубани, а угостить его нечем, кроме как воспоминаниями о советском изобилии. Пришлось вспомнить «древнее искусство», которое наши предки изобрели, пока медведи на балалайках им аккомпанировали, и завещали эту великую тайну сохранять, как строительство пещеры Конданы в Махараштре. Самогоноварение — это вам не шашлык мариновать! Тут нужны навыки партизана: прятаться от жены, соседей и участкового Малинкина, ко-

торый появлялся ровно тогда, когда брага начинала благоухать «ароматом» прокисших надежд. Баньку подтапливал ежедневно — не столько для чистоты тела, сколько для маскировки. Лиля Васильевна уже подозревала неладное: «Ты чего это баню по десять раз в день паришь? Аль опять с друзьями-алкашами эксперименты ставишь?» Гаврил Захарович уверенно отвечал: «Дорогая, я духовно очищаюсь перед дальней дорогой!» А сам про себя думал: «Очищаю, да... Спирт-ректификат от сивушных масел». Лиля Васильевна, правда, уже мыслями была на Кубани — и видимо, мечтала поскорее сбежать от «творчества» мужа к тёплому морю и нормальной чаче.

Название для своего шедевра Гаврил Захарович придумывал, как Бродский стихи. Нужно ведь, чтобы отражало «сибирский характер» — то есть, чтобы после первой стопки ноги отнимались, а Колька ГорЛовой, попробовав, с уважением шептал: «Это ж тебя, Гаврил Захарович, в Арктике греть будет!» Варианты были: «Енисейский Угар», «Медвежья лапа», «Сибирский Хирург» (потому что режет без наркоза), но остановился на «Абазинская бормотуха». Звучит солидно, как марочное вино, а не как продукт тайных ночных бдений с перегонным кубом из старой скороварки. Лиля Васильевна, услышав название, фыркнула: «Розлив... У тебя даже чайник накипь испорченную не розливает!» Но критиков не слушают — их топят в бочке с брагой. Главное — не уронить честь перед кубанскими казачками. А то Свояк

хлебнёт «розлива», да и скажет: «У вас, северян, и самогон жидкий, как слёзы от коммуналки!» Пришлось в рецепт добавить «сибирской души» — то есть, яблок с участка соседа (того самого Васьки-бездельника). Он, кстати, до сих пор не понял, куда делся его урожай. Напиток получился. На вкус — как удар кувалдой по печени, зато после третьей стопки Лиля Васильевна стала напоминать Софи Лорен. Колька ГорЛовой, которому дали попробовать на пробу (бесплатно, естественно, в качестве аванса), после первой же рюмки прославил «Абазинский розлив» в ранг легенды посёлка. Он сначала заплакал, сказал: «Гаврил Захарович, вы бог», потом попытался станцевать лезгинку, споткнулся о собственную штанину и уснул лицом в миске с солёными груздями. Милиция, правда, до сих пор ищет того, кто подбросил бутылку с надписью «Элитный эксклюзив» в опорный пункт. Говорят, участковый Малинкин после пробы заявил, что «это хуже, чем тувинскую свадьбу разнимать». Ну что ж, искусство требует жертв. Главное — чтобы Свояк остался доволен. Ну или просто потерял дар речи. Неважно. В Сибири выживает сильнейший, а преставиться старейший. И тот, у кого самогон крепче.

Глава 2. Когда время превращается в кисель

Лиля Васильевна каждое утро теперь начинала не с будильника, а с персонального обратного отсчёта, висевшего в воздухе, как приговор с отсрочкой: «Через 5 дней, 4 часа и 10 минут выезжаем!» Фраза звучала с интонацией командира космического корабля перед стартом, хотя пунктом назначения была не лунная база, а кубанская родня, где их, как она сама же и утверждала, будут опознавать не по паспортам, а по внешнему виду. Впрочем, ровно в три часа ночи за три дня до отъезда она всё равно вскакивала в холодном поту и орала в темноту: «А загранпаспорта-то взяли?!». На что Гаврил Захарович, не размыкая век, резонировал из-под одеяла: «Мы едем к родне, а не в Швейцарию! Там нас без визы признают... по запаху абазинской бормотухи и выражению хронического счастья на лице. Спи, ликвидатор моей нервной системы!»

Последние дни перед отъездом тянулись, как резиновые сапоги по густой, засасывающей грязи. И если Гаврил Захарович ещё как-то, посредством дегустации продукции стратегического предприятия «Абазинский розлив», справлялся с синхронизацией времени и пространства, то Лиля Васильевна перешла со счёта на дни в счёт на секунды. Всем

доподлинно известно: если не ждать, пока чайник закипит, а стоять над ним с гипнотизирующим взглядом, он закипает в два раза дольше. С секундами та же история. На работе её начальник, прознав про отпуск на Кубани, внезапно извлёк из закровов души «сверхсрочный проект» — «вручную перекопать лопатой весь лесной массив Таштыпского района для профилактики пожарной безопасности». А Гаврил Захарович в это время уже мыслями не просто парил, а совершал фигуры высшего пилотажа в кубанских степях, лежа на диване и сияя, как сытый кот, уронивший банку сметаны, и в итоге на каком-то путевом листе, вместо производственной графы «3 куба леса», аккуратно вывел: «3 литра чачи». Документ, до сих пор где-то в бухгалтерии гуляет как образец альтернативной экономики.

За день перед отъездом дом превратился в филиал хаоса и учёта материальных ценностей. Лиля Васильевна на три раза пересчитала и благословила чемоданы, узлы, свёртки, провизию в дорогу, бутерброды с котлетой толщиной в тракторную гусеницу, банки солений и термос с чаем такой крепости, что от него ложка стояла, а чайная заварка грозилась прорасти. Среди трёх пар шерстяных носков, гладильной доски, двух утюгов (один запасной, на случай если первый дезертирует) и литровой банки с огурцами, покоился артефакт — пустая, чисто вымытая, почти стерильная банка с овальным горлышком и зелёной крышкой. Очень удобная банка в подарок. Ею не один десяток лет пользовались, и она повидала всё: от ма-

линового варенья до черновиков стихотворений, от забытого компота до хранения мелочи. Лиля Васильевна, упаковывая её как реликвию, изрекла сакральную формулу: «Добро должно ходить по кругу». Круг замкнулся — банка возвращалась на историческую родину, в сторону южного солнца, кубанского борща, чачи и абсолютного, ничем не замутнённого, божественного ничегонеделания, за которое они с Гаврилой Захаровичем заплатили годами сибирского огородного рабства и регулярными унижениями перед коровой Апрелькой.

Лилия Васильевна торжественно, как свиток с законами Хаммурапи, сунула Кольке последний инструкционный список и строго, с материнским металлом в голосе, сказала:

— Если Апрелька подоит тебя — не жалуйся. В конце концов, это твоя карма. Если что с огородом — дело житейское, переживём.

Колька кивнул с видом посвящённого в тайну рыцаря, спрятал список за пазуху и, в силу магических законов своего организма, тут же его потерял, потому что в кармане его штанов зияла дыра, по своим размерам сопоставимая с кротовой норой. Но, надувая щёки от осознания собственной значимости, он авторитетно заявил: «Всё будет в шоке. Я — челдобрек ответвленный. Я вам с урожаем помогать буду. Я даже помидоры с огурцами съесть могу, если в нечестном бою у Апрельки отвоюю». Гаврил Захарович тяжело вздохнул, окинул хозяйство взглядом полководца, проигравшего

битву, перекрестил Кольку на всякий случай — вдруг божественное вмешательство окажется расторопнее милиции, — и ещё раз оглядел огород, где уже наливались тихой, беспощадной злобой кабачки, а крапива нагло подбиралась к самому крыльцу с явным намерением захватить власть и установить режим всеобщего засилья сорняков. Он перевёл взгляд на Кольку, который уже пытался подоить кошку Мурку, на гордые двухместные туалеты, стоявшие как символ супружеской солидарности, и на Апрельку, чей монументальный силуэт замер на холме, словно памятник коровьему пределу и абсолютной уверенности в завтрашнем дне.

Вечером, после нескончаемого, как бюджетный дефицит, обвала невыполненных дел, Гаврил Захарович с Лилей Васильевной улеглись пораньше. Укрытый одеялом, словно саркофагом египетского фараона, Гаврил Захарович с ужасом понимает, что сон — это миф, придуманный людьми, у которых нет завтра никаких важных событий. Мозг, будто гиперактивный тамагочи, настойчиво требует внимания, перебирая варианты катастроф: «А вдруг проспишь? А если всё пойдёт не так? А если забыл, что именно ты забыл? А вдруг все внезапно поймут, что ты на самом деле не умеешь гнать хороший самогон, и это окажется твоим главным секретом жизни?» Подушка нагрелась до состояния лавы, одеяло проявляло коварство: то душит в жарких объятиях, то предательски достаёт до плеча, а ноги, как два несговорчивых дипломата, никак не могли найти «то самое» положение.

Гаврил Захарович пересчитал всех овец в регионе, включая тех, что уже мигрировали в свой овечий рай. Он медитировал, дыша как тибетский йог на кофеине, и даже отчаянно представлял себя кристально спокойным, но внутренний голос не унимался: «О, кстати, помнишь тот неловкий момент в 1987 году? Давай-ка прокрутим его на повторе, прямо сейчас, с новыми подробностями!»

Утро подкралось не просто незаметно — оно напало исподтишка. Гаврил Захарович проснулся (хотя толком непонятно, спал ли он вообще или просто выпал из реальности в состоянии глюка), с лицом, похожим на тесто после неудачного эксперимента, и с мыслью о долгожданной поездке. Оказалось, долгожданный день наступил внезапно, словно зима в Сибири без дров и сена. День, которого так долго ждали и к которому так истово готовились, явил себя, словно очередная серия «Богатые тоже плачут» после длинных выходных. К слову, сериал всегда ждали с трепетом, как пенсионер почтальона с пенсией. «Общественное российское телевидение», словно Нина Григорьевна - строгий учитель русского языка и литературы из абазинской СОШ 5, решило, что выходные — не время для слёз, интриг и внезапных возвращений «умерших» персонажей. В субботу и воскресенье все должны страдать по-настоящему: без сериалов, зато с семьёй, огородом и осознанием, что завтра снова на работу. Надо сказать, ОРТ рассудило мудро: «Зачем транслировать драму, когда люди и так в глубоком стрессе от родственни-

ков, огорода и хозяйства?» В будни — другое дело: после трудового дня зритель готов прильнуть к экрану, дабы отвлечься от мыслей о бренности бытия. Рейтинги взлетают, как курс доллара в кризис, а рекламодатели радостно потирают руки. Сериалы подождут, как нервная система пенсионера.

Итак, утро поездки, которое всем своим запалом должно было напоминать, что просыпаешься с чувством, будто выиграл в лотерею, на самом деле напомнило, что билет ты вообще никогда в жизни не покупал. Ох уж это утро, начавшееся с вселенского хаоса. Будильник, который должен был преданно разбудить в пять утра, видимо, решил, что сегодня — его законный выходной, либо просто счёл свою миссию бессмысленной перед лицом надвигающейся неизбежности. Впрочем, разница невелика, потому что в 5:30 Гаврил Захарович с Лилей Васильевной ещё сладко спали в позе двух вопросительных знаков, а в 5:32 уже метались по квартире, как угорелые тараканы после внезапного включения света.

В общем, утро началось с громогласного, почти оперного вопля: «Ганя, ди гидрид твою карбонат, какого выхухоля ты меня не разбудил!». Гаврил Захарович с Лилей Васильевной синхронно взлетели с кровати, как ошпаренные, когда мозг наконец осознал, что в комнате подозрительно светло, а проклятый будильник молчит, как партизан на допросе. «СОРОК МИНУТ НАЗАД ДОЛЖЕН БЫЛ ЗВОНИТЬ!» — всхлипнул Гаврил Захарович с выражением лица человека,

видящего воочию свою немедленную и мучительную казнь без суда и следствия. Лиля Васильевна уже металась по комнате, пытаясь натянуть платье наизнанку и одновременно сунуть зубную щетку в рот, бормоча что-то про «последний автобус», «опоздание на единственный за всю жизнь отдых от вас, дураков» и «гибель всего живого на планете и конкретно в этом доме». На кухне царил ураган: тюбик пасты был жестоко распорот и выпотрошен, вода из умывальника хлестала, как в эпицентре тайфуна. «Паспорта! Паспорта где?!» — голос Лили Васильевны достиг ультразвуковых частот, от которых у соседских собак заложило уши. «Чемодан! Ты чемодан с образцами грунта видела?!» — орал в ответ Гаврил Захарович, роясь под кроватью в поисках носка, который, по всем известным законам физики, обязан был испариться в иное, параллельное измерение. Они сталкивались лбами в дверном проеме, роняя вещи, остатки достоинства и беря новые высоты паники, мысленно уже сочиняя оправдания уровня «сосед съел все документы, нам очень жаль».

Пять часов тридцать две минуты — наступила первая стадия осознания катастрофы.

— Где мои носки?! — орёт Гаврил Захарович, роясь в шкафу с такой яростью, будто ищет там чертежи вечного двигателя.

— Да и-ти-ть-твою шахтёра-мать, ты можешь сам собраться нормально, Гаврил Захарович! Я же тебе вчера чистые носки на кровать положила! Ты чё, глаза коптилкой

проел? Чистые носки на кровати лежат, белые, наглаженные, а ты эти, блин, дырявые, как решето, на пятки напялил — да у них дыра размером с твоё чувство стиля! — Носки, конечно, торчат дырой кверху, будто флаг сдающегося разума.

— Лиля Васильевна, может, хватит уже в чемодан тапки совать? Ты там щётку зубную, как заложницу, между резиновыми каблуками зажала! — кричит Гаврил Захарович, пытаясь засунуть в сумку утюг, забыв, что он всё ещё предательски воткнут в розетку.

— Ах ты, жопа горького огурца! — взрывается Лиля Васильевна. — Кто горячий утюг с проводом в чемодан пихает? Ты чё, розетки в поезде ждёшь? Думаешь, там люкс с электропитанием для глажки портянок?!

— Ну вот, один носок есть, а второго нет! Вселенная смеётся надо мной!

— Надень тот, что есть, а второй... с другой партии бери! Ты не на балет едешь, а в Абакан!

5:32 — чайник на плите фыркает, как обиженный паровоз, потому что Лиля Васильевна в суматохе забыла долить воды, и теперь его пустое нутро раскаляется до температуры межпланетного корабля, входящего в атмосферу. Гаврил Захарович, уже с одним носком, пытается открыть холодильник ногой, потому что руки заняты чемоданом и частично душевным раздраем.

— Ты завтрак брала?!

— Какой завтрак?! Мы проспали! Шустрый ты, как твоя

Апрелька на водопое!

— Ну хоть бутерброд...

— Бутерброд — это хлеб в одной руке и огурец в другой. Пока бежишь — совмещаешь! В дороге и не такое глотали!

И вот, когда Гаврил Захарович в отчаянии грохнулся на диван, готовый звонить свояку с последней исповедью, его взгляд упал на старые добрые настенные часы с кукушкой, которые ещё его дед завещал похоронить вместе с ним, но они банально не вошли в гроб по габаритам. Стрелки невозмутимо показывали на отметке «4:48». Гаврил Захарович моргнул. «Лиль...» — хрипло начал он. «НЕ МЕШАЙ, Я ПОМАДУ ИЩУ!» — пронеслось из спальни с интонацией банши. «Лиль, глянь на часы». «КАКИЕ ЕЩЁ ЧАСЫ?! У НАС УЖЕ...» Она вылетела в зал, готовая к бою, словно фурия, и замерла, уставившись на циферблат. Молчание. Густое, как арахисовая паста, забытая на дне банки. «Они... стоят?» — прошептала Лиля Васильевна. Гаврил Захарович, как сомнамбула, потянулся к будильнику, валявшемуся на полу. Яркий цифровой циферблат неумолимо показывал: «5:32». Они переглянулись. В глазах читался немой вопрос: «Если часы ещё вчера встали в 5:32, а сейчас на часах 4:48...» Арифметика удара молнии: 4:48 минус 5:47 — это час. Целый. Час. Не опоздание. Не крах. Не остановка сердца. Хаос вокруг внезапно обрёл сюрреалистичную, почти музейную тишину. Гаврил Захарович осторожно вынул зубную щетку из кармана пижамных штанов. Лиля Васильевна мед-

ленно сняла одну туфлю с левой ноги и один кед с правой. «Значит...» — начал он. «...у нас есть время...» — продолжила она. «...на сборы?» — закончили они хором, словно два артиста, репетирующие финальную сцену пьесы.

И вот они уже сидят на кухне, как два выброшенных штормом на берег счастливец, смотрят, как мирно и даже уважительно закипает чайник. Пока Лиля Васильевна священнодействовала с заваркой, Гаврил Захарович, движимый внезапным приливом благодарности к судьбе и необходимостью срочно утилизировать накопленный стресс, ловко сунул руку за посудными принадлежностями, стоявшими в шкафу, и нащупал идеально мимикрированную ёмкость. Оттуда, из тайника, проверенного годами тихого супружеского противостояния, появилась приплюснутая фляжка с мутноватой жидкостью — его личный «ПВЗ» (По возможности быстро прикосновенный запас самогона), надёжное средство от любых жизненных передрыг, включая внезапные перемещения во времени. Час — это целая вечность, когда ты только что пережил локальный апокалипсис. Он, пытаясь действовать незаметно, плеснул себе в чайную чашку добрую стопку, на миг встретился взглядом с Лилей Васильевной, но та лишь едва заметно покачала головой — без обычного гнева и готовности к санкциям, а с пониманием: утро и впрямь было уникальным. Гаврил Захарович сделал глоток. Тёплая волна разлилась по телу, окончательно растворяя остатки паники и привнося в душу почти буддийское принятие неизбеж-

ного. А старый будильник молчаливо свидетельствовал: он героически пал в бою со временем ровно 12 часов назад, подавив своим хозяевам утро веселья в стиле «мы все умрём!», а теперь — внезапный бонусный уровень спокойствия.

Но расслабляться было рано. Ещё пару часов назад Гаврил Захарович и Лиля Васильевна были бы готовы собраться и мчаться за какие-то пару минут, но, поймав дзен, обнаружили, что и двух запасных часов оказалось катастрофически мало для спокойных сборов. 6:46 — стратегическое расчётное время выхода, чтобы успеть добежать до остановки, не подорвав здоровье окончательно.

— Ты точно всё взяла? — спрашивает Гаврил Захарович, нервно дёргая дверь, будто проверяет её на прочность перед штурмом.

— Да кто его знает, не было времени собраться и подумать, — честно вздыхает Лиля Васильевна. — Потому что иначе было бы слишком просто, и жизнь утратила бы вкус.

6:51 — выскакивая из двора с таким видом, будто за ними гонится рой разъярённых пчёл. Волосы Лили Васильевны торчат в разные стороны, как у ежа после грозы, а Гаврил Захарович пучит глаза, словно базедовик в стадии обострения. Сосед, отправляющий стадо коров на пастбище, снисходительно, с ленцой заправского ковбоя, наблюдает за этим марафоном.

— В отпуск собрались? — ухмыльнулся он, опершись на палку.

— Нет, просто решили пробежаться с чемоданами для драмы! — кричит ему в ответ Лиля Васильевна, спотыкаясь о дорожные ямы и не теряя присутствия духа.

6:56 — по пути Гаврил Захарович хватается за грудь, как кардинал Ришелье в момент интриги.

— Что-то я забыл! Билеты есть?!

— Да! — торжествующе достаёт их Лиля Васильевна вместе с паспортами, размахивая ими как флагами победы.

— Слава богу, хоть что-то по плану. Значит, шансы на успех резко повышаются до 7 процентов.

7:03 — дорога до остановки показалась длинной, как лекция по квантовой физике в исполнении сильно заикающегося профессора. Страдальцы-путешественники начали великий поход из Абазы в сторону Москвы, а там, глядишь, и до Кубани рукой подать. Проблема была в том, что прямого сообщения между Абазой и железнодорожным вокзалом в сторону Москвы не существовало в природе — видимо, местные транспортные власти рассудили, что счастье должно быть труднодостижимым, а иначе какой в нём смысл? Поэтому путь лежал через Абакан, но и тут ждал сюрприз: прямого маршрута из «Заречки», где, как известно, живут только самые стойкие и отчаянные, до Абакана тоже не было. Видимо, чтобы отсеять дикарей ещё на подступах к цивилизации и проверить их на готовность к любым капризам судьбы.

Приходилось выкручиваться, как настоящим героям-первопроходцам. Вариант первый: служебный «Леспромхозов-

ский» автобус, который вечно был забит под завязку школьниками-халявщиками. Их родители свято верили, что, давая деньги детям на маршрут «Мичурина», они их переоценивают, потому что детская смекалка всегда найдёт способ добраться до школы бесплатно и быстрее, а на сэкономленные деньги приобрести по пути жвачку не ради самой жвачки, а ради драгоценного вкладыша. Вариант второй: «на перекладных» — звучит романтично, но на деле означало, что ты то везёшься на попутке с Баян-Баянычем, который везёт картошку и почему-то уверен, что ты ему должен за проезд в два-три раза дороже маршрутного автобуса (от чего зависела цена, он и сам не знал, но держал марку), то трясёшься в телеге, запряжённой Серей-Васей, которая явно мечтает о пенсии, мило расспрашивая пассажиров обо всём на свете, при этом не забывая нелестно «проанализировать» всех выходящих и каждого, кто не подсел к нему. Вариант третий: более цивилизованный, но не менее экстремальный — рейсовый автобус ЛиАЗ, он же «Мичурина», он же «лучший способ проверить, насколько крепко у тебя держатся зубы и вера в человечество».

В общем, на бесплатный автобус Гаврил Захарович и Лилия Васильевна традиционно не успевали — ноги короткие, а будильник видимо не звонил «на окончательное истощение нервной системы», ну и просто судьба такая. Но не беда! Ведь следом уже подкатывал легендарный «Мичурина» — автобус, названный в честь улицы, на которой, как гласила

молва, когда-то росло мифическое дерево, дарующее бесконечное терпение тем, кто ежедневно толкался в его салоне. Но вот они на месте. Чемоданы целы, носки, хоть и разные по цвету и габаритам, но на ногах, билеты и паспорта на месте. Распахиваются двери почти уезжающего автобуса, и вот, казалось бы, наконец-то можно перевести дух, как вдруг — о ужас! — Гаврила Захаровича осенило: «А где же мои стратегические запасы? Те самые, что в кустах у гаража припрятаны на чёрный день?» И понял он, что чёрный день настал прямо сейчас. Сердце застучало, как у бешеного бурундука, ноги засеменили с частотой крыльев колибри, и он судорожно рванул вперёд к водителю с неожиданной для всех просьбой подождать одного-единственного пассажира, а именно его самого...

Развернулся Гаврил Захарович с такой скоростью, что асфальт, если присмотреться, действительно задымился, и помчался обратно к дому. Лиля Васильевна, застрявшая в проходе автобуса, даже глазом моргнуть не успела, как её благоверный исчез в облаке пыли, оставив после себя лишь силуэт, как в мультфильмах.

— Что ж ты гад делаешь!? Ты куда рванул!? Вернись сейчас же, маршал Груши недоделанный! «Мичуринский» автобус ждать твоего Ватерлоо не будет! Улитка беременная! Ягайло похмельный — ты слышишь, чего говорю! Вернись сейчас же! Мамай Куликовскую просрал, ты «Мичуринский» просрёшь! Черепаха хромая! Или ты сейчас же са-

дишься в автобус — до автовокзала, или на кол — до макушки! — гремело из салона, создавая пассажирам незапланированный, но высокохудожественный перформанс.

Не прошло и четырёх минут, как алкомарафонец Гаврил Захарович уже был на месте тайного схрона, ловко, как спецгент, извлекая из-под старой покрышки две заветные бутылки. Душа, однако, требовала жеста. Широкого, щедрого, спонтанного — чтобы оправдать своё внезапное бегство перед пассажирами ждущего автобуса не жаждой алкоголя, а чем-то более возвышенным, якобы забытым подарком для свояка. Его взгляд, блуждающий в поисках вдохновения по хозяйству, упал на чучело глухаря на веранде. Оно ютилось на верхней полке, рядом с пасхальным набором 1984 года и стопкой журналов «Здоровье». Как, когда и зачем оно здесь оказалось — было тайной, покрытой мраком пыли слоем в добрый миллиметр. Чучело глухаря когда-то тысячу лет назад выполненное каким-то местным мастером, забытое, подаренное, передаренное и снова забытое. Кем, когда и как именно оно попало в дом, не помнили ни хозяева, ни кто бы то ни было. Лиля Васильевна утверждала, что его подсунул её двоюродный дядя после ремонта, «чтобы не пропадало». Гаврила же клялся, что это трофей соседа-охотника, отданный в счёт карточного долга. Сосед, впрочем, три года как переехал в Красноярск, а дядя уверенно путал глухаря с павином. Так что птица была безродной, вечной, как мамонт. Время обращалось с ней без малейшего пиетета: часть пе-

рьев на брюхе облезла, обнажив жалкую тряпичную плоть; хвост, когда-то гордый веер, напоминал обтрёпанную метлу; но главным было лицо, вернее, морда. Кривоватый клюв придавал выражение идиотской надменности, а стеклянные глаза, посаженные пьяным таксидермистом, смотрели в разные стороны: один — на Гаврилу Захаровича, второй — на бутылку «Абазинской бормотухи». С довольной ухмылкой.

И тут Гаврилу Захаровича осенило. Он подарит это чудо Свояку! «Не киснуть же добру!» — подумал он и, придав лицу выражение олимпийского спокойствия, на махнув пару стопок для храбрости, снова понёсся к остановке. Ведь Свояк ценит старину и природу, у него на даче висит коса времён Бородинской битвы и стоит нерабочий кассетный магнитофон «Электроника». Глухарь станет жемчужиной его коллекции! Мысль была настолько блестящей, что Гаврила, не раздумывая, схватил глухаря. Прикосновение к чучелу вызвало облако вековой пыли, от которого он чихнул три раза подряд. Птица оказалась на удивление лёгкой и хрупкой. Облезлый хвост зацепился за рамку с фотографией, но Гаврила рванул его с решимостью коровы Апрельки, съедающей соседскую капусту. Глухарь был освобождён из плена пыли. Обратный путь к автобусу занял считанные минуты. Всё это время Гаврила Захарович репетировал речь вручения: «Вот, дарю тебе частицу нашей истории... Местный мастер... Глубокий символизм...» Он уже видел глаза Свояка, полные благодарности.

Лиля Васильевна тем временем запугав пассажиров автобуса своим взъерошенным видом, оправдательно вздыхала на возгласы недовольных и уже опаздывающих по своим делам людей: «Извините, это не он автобус задерживает, это автобус его задерживает — он же у нас главный по проверке терпения пассажиров! Вот стоит, считает, сколько человек мысленно его проклинали, а как достигнет критической массы — сразу поедет! Ну или он просто забыл, куда собирался: то ли в автобус зайти, то ли из него выйти, то ли вообще не его маршрут, но он стесняется признаться. А может, это социальный эксперимент — как долго водитель будет держать дверь открытой с повисшей в проходе и не жалеющей себя Лилей Васильевной, если старательно делать вид, что вот-вот найдёшь проездной в недрах чемодана? В общем, не переживайте, граждане пассажиры, ещё пара минут, и он либо сядет в этот автобус, либо мы все дружно решим, что он — неотъемлемая часть «Заречки», и поедет дальше. Спасибо за ответственность и понимание!»

И вдруг — БУМ! — на порог автобуса вваливается, красный как рак, но сияющий, будто пингвин на вершине своего успеха, — чуть косолапая, но с непоколебимым величием, Гаврил Захарович!

— Прости, дорогая, задержался... — тяжело дышит.

— Опять полихеция осложнённая дроботухой?! — грозно спрашивает Лиля Васильевна, сужая глаза до размеров бойниц.

— Да нет же! — хитро улыбается он и достаёт из-за пазухи бутылку. — Это я... минералку забыл! Надо же в дорогу пить что-то полезное!

Лиля Васильевна смотрит на бутылку, на мужа, на вторую бутылку, торчащую из кармана... и просто с тихим героизмом закрывает лицо ладонью. Маршрутка трогается, а Гаврил Захарович, довольный, как крокодил после удачной охоты, уже наливает «минералочку» в стаканчик и выдаёт умозаключение: «Настоящий мужчина всегда найдёт время для бутылки «минералочки» и догонит уезжающую жену. Главное — правильно расставить приоритеты!»

И вот, полные надежды и слегка придавленные локтями соседей, Гаврил Захарович и Лиля Васильевна устремились в его объятия, мечтая о том дне, когда наконец-то изобретут телепорт. Или хотя бы добавят ещё один автобус по маршруту Абаза – Абаза-заречная.

— Ну что, — ухмыльнулась Лиля Васильевна, — хорошее начало отпуска, да?

— Зато такое приключение в подарок и воспоминания в копилку, главное, чтобы обратный рейс мы тоже так весело не проспали, — фразёрствует Гаврил Захарович.

— Проси прощенья у пассажиров! — запальчиво рецитирует Лиля Васильевна.

— Внимание, внимание, граждане Вселенной, жители диванов и герои кухонных сплетен! Сегодня, в этот великий день, который, кстати, вы могли пропустить, утонув в беско-

нечной рутине забот, Я, Великий и Ужасный Опоздунь, совершил невозможное! Я сделал ЭТО! Моя миссия завершена! Мои враги повержены! Мои носки наконец-то нашлись под кроватью! Торжествуйте, ибо: Я пережил фыркающий на всех чайник и не объявил войну будильнику. Я закончил проект всей моей жизни под названием «Абазинский Розлив», который тянул меня как студент сессию. Я доказал, что могу быть спортивным, даже если моя походка до сих пор состоит из скачков австралопитека. Пусть гремит салют из конфетти или хотя бы из крошек от печенья!

Пусть ликуют мои чемоданы и носки, которые наконец-то вдохнут прекрасный воздух свободной Кубани! Я стою на вершине своего успеха, как пингвин на айсберге — немного неуклюже, но с достоинством. Славьте меня! Гений, миллиардер, плейбой, филантроп... Ну ладно, хотя бы одно из этого.

— Ой сядь, успокойся уже, не паясничай! — обрывает поток красноречия жена.

Автобус «Мичурина – ГРП» плыл по асфальтовой реке, наполненный смешанными ароматами дешёвого одеколona «Шипр», «Тройной», вчерашней селёдки и тщетных надежд. В самом его нутре, на сиденье, отчаянно скрипящем под его нелёгкой ношей, восседал Дед-Никифор. Лик его излучал праведность, высеченную временем и, возможно, лёгким подпитием, а внутренний диалог, судя по его артикуляции, был громче рёва подержанного двигателя «ЛиАЗа». На гру-

ди поблёскивал массивный крест, размером с дверную ручку. Гаврила Захарович, титан подпольного употребления горячительных напитков и виртуоз маскировки под законопослушного пенсионера, пропустив Лилию Васильевну немного вперёд и втиснутый рядом с Дедом, уютно устроился, нервно потирая руки с видом человека, ожидающего не зарплату, а скорее конца света. Или, на худой конец, конца бутылки.

Пассажиры, которым не досталось сидячих мест, пессимиздели стоя в полупереполненном автобусе ЛиАЗ-677 маршрута «Мичурина» — этом реликте эпохи развитого социализма, который трясло так, будто он не ехал, а отчаянно пытался вытряхнуть из себя душу прямо на ходу. Сквозь стёкла, заляпанные грязью с художественной беспорядочностью абстракциониста, смутно проступал серый, как настроение понедельника, пейзаж проезжаемых улиц. А из динамиков, похожих на дуршлага, хрипело что-то среднее между «Ласковым маем» на последнем издыхании и помехами «Европы плюс», словно радио пыталось решить экзистенциальный вопрос: «Кто я?» В кармане Гаврилы зловеще позванивал хор стеклянных теноров, один баритон и пара сопрано, и потрепанный бумажный талончик, купленный один на двоих у кондуктора исключительно для камуфляжа — настоящий хозяйственник не стал бы так рисковать деньгами без крайней нужды.

Двери с пыхтением, достойным паровоза Черепановых, распахнулись, и в салон ввалилась рыжеволосая глыба в

клетчатом домашнем халате, с лицом, будто высеченным из гранита времён застоя и покрытым тонким слоем вечного недовольства. Её голосок пищал, как несмазанная дверная петля, а ухмылка намекала, будто она только что разгадала тайну Бермудского треугольника, но решила приберечь это знание до ближайшей проверки билетов. Её взгляд, острый как штопор, цеплялся за каждого пассажира, методично сортируя их по папкам внутреннего архива: «Наивные пенсионеры», «Хронические халявщики», «Особо опасные безбилетники». Она была не просто человек с тетрадкой. Она была рейнджером общественного транспорта, стражем билетной системы, последним бастионом финансовой дисциплины в этом хаотичном мире маршруток. На груди у неё красовалась просаленная верёвка, увешанная рулонами билетов всех мастей и годов выпуска — настоящая броня из бумаги. Удостоверение с гордой надписью «Контролёр» сияло, как орденская звезда. Её взгляд — холодный, как зимнее утро в неотопливаемом автобусе, — методично прощупывал каждого, ища слабинку, страх или спрятанную монетку.

Она резко подняла руку — жест, полный сакрального смысла. Не то здоровалась с паствой, не то вызывала духов бухгалтерского учёта. Но нет! Это был священный ритуал: «Граждане! Предъявите проездные документы!» — прозвучало так, будто она объявила всеобщую мобилизацию.

Салон мгновенно разделился на три неравные категории: Честные Труженики, достававшие аккуратно сложенные

талончики с гордостью человека, который не просто заплатил 50000 неденоминированных рублей, а внёс вклад в светлое будущее транспорта. Хитрые Приспособленцы, начинавшие лихорадочно шарить по карманам, делая вид, что билет «только что был здесь». Один даже пытался скрутить из газеты «Правда» подобие талона — авось прокатит под лозунгом «Правда — наша сила!». Третий делал вид, что крепко спит, издавая храп такой силы, что дребезжали стёкла — Гаврила Захарович с профессиональной завистью отметил мастерство. Отчаянные юмористы — с вызовом, достойным декабристов, заявляли: «А мне водитель сказал — сегодня проезд бесплатный! В честь Дня освобождения от уплаты!»

Контролёр, не моргнув глазом, доставала из кармана потрепанную тетрадь — Книгу Скорби и Штрафов, и безбилетник начинал клясться, что «завтра точно купит два билета», но она лишь верещала с сарказмом, способным прорезать броню танка. Но ничто, даже явление этого транспортного мессии, не могло сбить священный настрой Гаврилы Захаровича на дегустацию. Он, как истинный сомелье, понимал: необходимо продержаться три остановки, но терпеть целые три остановки — удел слабаков и трезвенников! Он изогнулся в три погибели, пытаясь незаметно отхлебнуть «на пробу». Пришлось срочно активировать план «Буря в крышке»: бутылка — глубоко в рукав, лицо — утопить в воротнике. — Оплачивайте проезд! — рявкнула кондукторша Анна Васильевна. Гаврила Захарович, делая вид, что роняет кошелёк,

ловко прижал бутылку коленом. Бутылка издала предательски звонкий «дзинь».

— Что это у вас там звякнуло? — насторожилась Анна Васильевна.

— Геморрой! — отрезал Гаврила с такой искренней болью, что мог бы играть в народном театре, демонстративно ёрзая. — Обострение! Знаете, после вчерашних... огурцов!

Кондукторша фыркнула и пошла дальше, а Гаврила, вытирая пот не от болезни, а от мастерства перевоплощения, разработал план «Чайная церемония» с термосом. Выбрав место между спящим дедом-Никифором, идеальная живая звукоизолирующая стена, да еще и с похрапыванием в качестве камертона и женой, погруженной в созерцание узоров на грязном стекле, Гаврила Захарович приступил к операции «Баланс устойчивости хронологического анализа тары». Первый глоток прошёл успешно. Но тут маршрутка, будто сговорившись с контролёром, резко затормозила, и драгоценное содержимое выплеснулось на Деда. Дед крикнул во сне и почесал мокрое место.

— Что-то случилось? — встрепелась Лиля Васильевна.

— Да нет, просто... чай горячий! — выдавил Гаврила, краснея.

На третьей остановке в салон ввалилась знакомая фигура — Люда, главный эксперт по распознаванию спирта.

— Ой, Гаврила, а у тебя откуда такой... божественный аромат? — принялась она, расширяя ноздри.

— Это... лекарство для дёсен! С хвоей! Врач прописал от геморроя ротовой полости! — запаниковал он, перестаравшись с оправданиями.

— Ага, — скептически протянула Люда, — и бутылка у тебя в рукаве тоже для дёсен? В этот момент термос, не выдержав лжи, с громким лязгом выпал и покатился по полу, оставляя алкогольный шлейф. Дед приоткрыл правый глаз.

— Всё, мы уже выходим! — рявкнул Гаврила и совершил отчаянный манёвр: выскочил на улицу через заднюю дверь, чуть не угодив под «Волгу», забежал вокруг автобуса и зашёл обратно через переднюю! Он прильнул к грязному окну и наблюдал, как Люда, выскочившая за ним, недоумённо разводит руками: человек испарился! Кондукторша Анна Васильевна, наблюдавшая эту сюрреалистичную картину, лишь тяжело вздохнула и дала команду ехать. Двух геморройно-язвенных невидимок с термосами её психика бы не выдержала.

Гаврил Захарович, едва отдышавшись, ждал допроса.

— Опять налакался? — Лилия Васильевна стояла руки в боки.

— Да я... витамины принимал! На спирту! В журнале «Rider's Digest» вычитал! Для общего тонуса и борьбы с осенней хандрой общественного транспорта!

Она вздохнула так, что в салоне стало легче дышать, и махнула рукой. Гаврила понял — в следующий раз нужна справка о хронической нехватке витамина «C2H5OH».

Оглядев пол в поисках термоса-предателя, он с изумлением обнаружил его — уже пустым до блеска — в руках у Нины Васильевны, тихой, скромной женщины с сумкой-авоськой. Она сумела залпом осушить всё содержимое, пока Гаврила совершал марафон вокруг автобуса. Поймав его взгляд, она многозначительно подмигнула: «В следующий раз берите термос побольше. И мне, и себе. А то на всех не хватает ваших... витаминов». И растворилась в толпе, унося тайну своей невероятной ловкости.

Через пять минут всё было кончено. Контролёр, сверкнув тетрадь как мечом правосудия, растворилась в толпе, оставляя лёгкий осадок справедливости и запах дешёвой помады. Автобус, вздохнув всей ржавой обшивкой, поплыл дальше. Ведь жизнь — это дорога. А дорога, как известно, стоит ровно 50000 неденоминированных рублей. Или одной бутылки в рукаве, если ты — Гаврила Захарович.

Слава Богу, пронесло — внезапно ожил спящий Дед, как оказалось, опытный рецидивист-безбилетник. Дед-Никифор крикнул, укоризненно глядя на уходящую кондукторшу: «Ох, батюшки-Светы, опять сребролюбие душил! Черти, вот они кто, в человеческом обличье! Прямо тут, в автобусе, как при Сатане в канцелярии!»

Гаврила Захарович вздрогнул. Тема чертей — опасная территория.

— Черти, дедушка? В этом вот... металлическом саркофаге на колёсах? Это просто антропологический феномен

человеческой жадности! Черти — архаичный конструкт для объяснения эгоизма!

Дед Никифор, уверившись в аудитории, пригубив из невесть откуда взявшихся припасов Гаврилы: «Конструкт, говоришь? А ну как объяснишь, откуда берётся вот эта вот?!» — он ткнул пальцем в мужика, пытавшегося незаметно снять с чужой сумки яблоко. — «Искушение! Черт нашептал! Материализовался в искре моторной!»

В мозгу Гаврилы произошёл сбой. Атеистическая броня дала трещину, и полезли аргументы. Убедительные. Опасные. Подогретый спиртным, Гаврила заговорил, как лектор: «Возьмём антропный принцип космологии! Вселенная тонко настроена для существования жизни! Как будто кто-то скрупулёзный выставил настройки на космологическом пульте! Это же очевидный аргумент в пользу Высшего Разума!»

Пауза. Автобус подпрыгнул на кочке. Гаврила очнулся: «Это чистой воды телеология! Мы просто наблюдаем ту вселенную, которая смогла нас породить! Бога тут нет!» Дед Никифор хитро прищурился, глотнул ещё: «Дизайнер, говоришь? Ну точно — Господь-Творец! А коли Творец есть, значит, и черти есть! Иерархия! Порядок! Как в армии — генерал есть, значит, и деды в гарнизоне найдутся! Кто ж искушать-то будет? Без оппозиции — какая драма?» Логика Деда, как ржавый гвоздь, зацепила Гаврилу: «Проблема зла! Если Бог всемогущ и всеблаг, откуда зло? Либо зло — необ-

ходимая часть плана для закалки души! И кто лучше справится с ролью искушителя, чем сам человек, тестирующий натуру на слабости! Их существование логически вытекает из необходимости свободной воли!»

Тут Дед Никифор ловко стащил с сиденья соседа газету «Рыбак-Рыбака» и сунул под ногу. Гаврила (язвительно): «Вот, к примеру! Вы сейчас присвоили чужое имущество! Не по-божески! Или чертик в вас сидит, подначивает?»

Дед Никифор, ничуть не смутившись, осеняя газету крестом: «Ох, сынок, не суди! Газета-то мирская, пустая. А я её... освящаю! Чтоб не искушала других! Жертвую своим покоем! Это духовный подвиг!»

Гаврила смотрел с ужасом перед такой казуистикой. Его железные аргументы рассыпались под напором святой наглости. «Подвиг? Ха! Классическая рационализация! Когнитивный диссонанс! Ваш поступок — лучший аргумент против реального сдерживающего влияния религиозных догм! Если бы черти были реальны, и Бог реально карал, вы бы так не рисковали!»

Но Дед Никифор уже не слушал. Он увидел, как у выходящей женщины выпала пятидесятитысячная купюра, и молниеносно прикрыл её ногой. Подмигнув Гавриле, он прошептал: «Видишь, сынок? Искушение! Черт подсунул! Но я крепок! Сам не возьму! А купюрка... пусть сиротке на хлебушек достанется, а я передам. Все по Промыслу!»

Гаврила Захарович уставился на потолок автобуса. В его

голове бушевал ураган. Антропный принцип, проблема зла, необходимость чертей, эмпирическое наблюдение греха... Каждый аргумент в пользу Высших сил казался неотразимым, когда он его произносил. Каждое его опровержение было логично и убийственно. Бог возникал из тонкой настройки вселенной и тут же растворялся в дыму вероятности. Черти материализовывались в искушениях и тут же развенчивались циничной наглостью Деда. «То есть... круг доказательств. Замкнутый. Бессмысленный. Бог есть, потому что вселенная сложна. Бога нет, потому что сложность могла возникнуть сама. Вера Деда — фикция, а мои аргументы — мыльный пузырь интеллектуального тщеславия. Мы оба едем в этом автобусе. Где здесь истина? На остановке «Центральный Рынок»?»

Автобус резко затормозил. Дед Никифор, не теряя ни секунды, схватил «освящённую» газету и ринулся к выходу с причитаниями: «Прости, Господи, толкотню! Бес попутал торопиться!». Он исчез, унося и крест, и газету, и неразрешимый парадокс. Гаврила остался сидеть. Он достал кошелек, чтобы заплатить. «Бог есть», — подумал он, доставая деньги. «Нет, всё же нет», — глядя на купюры поправил он себя, отсчитывая деньги обратно в кошелек. «Хотя равновесие справедливости... с такими дедами... точно должно существовать. Или нет?». Автобус тронулся. Теологическая дуэль завершилась. Победила неопределенность. Как и всегда.

Простым труженикам было не понять этого чувства долгожданного отпуска. И даже если что-то пошло не по плану, ты всё равно чувствуешь себя победителем. Потому что, в конце концов, не каждый день случается то, ради чего можно было переживать, нервничать и считать дни на календаре, зачёркивая их с садистским удовольствием. А теперь — вперёд, отмечать! Хоть скромно, хоть эпично. Главное, с чувством, с толком, с остановкой на остановке с туалетом и с осознанием того, что любое путешествие, как и хорошая философия, ценится не пунктом назначения, а степенью готовности неожиданностям по дороге к нему и объёмом выпитой «минералочки».

Глава 4. Надежда Сергеевна - фея билетов и королева ВЕЖЛИВЫХ ПОДКОЛОВ

Мысли о существовании Бога, его загадочных концепциях и этом вечном, казалось бы, несправедливом отношении к простым людям – все это не давало покоя Гавриле Захаровичу. Диалог с дедом – Никифором – висел в воздухе тягучей незавершенностью. Щемило в груди, накатывало непреодолимое желание – выпить бы сейчас, да продолжить этот важный разговор, докопаться до сути. Но судьба распорядилась иначе. Городской автобус, скрежеща тормозами, привез его на автовокзал, откуда предстояла муторная пересадка на еще более долгий и пыльный маршрут до самого Абакана.

И вот, добравшись до автостанции в Абазе, покрытый слоем дорожной пыли и с навязчивой мыслью «а может, ну его, этот отпуск...», Гаврила Захарович осознал жестокую правду: самое сложное путешествие – это даже не тряска в душном автобусе до самой станции, а финальный бросок – дорога до заветного окошка кассы. Требовалось совершить акробатический кульбит, прорваться сквозь человеческое месиво к кассовому окошку автовокзала, а потом, с пересадкой – либо втиснуться, как сардина, в маршрутку между бабушкой, обвешанной авоськами, и мужиком, от которого пахло

тайгой, дегтем и чем-то очень крепким, либо же в автобус, который, если боги логистики вдруг смиростивятся, всё-таки довезёт тебя до Абакана. А ежели не довезёт? Ну что ж, значит, судьба милостиво дарит шанс завести новые, душевные знакомства среди коренных жителей с.Аскиз, которые лишь с пониманием кивнут и скажут что-то утешительное вроде: «тасхар чылыҥ, хыймыранарҕа».

Гаврил Захарович и его верная спутница Лиля Васильевна, хоть и считались в своем кругу «путешественниками от бога», на вокзалах бывали крайне редко – видимо, божественный статус предполагал иные способы передвижения. Автостанция же в Абазе вела себя как капризная невеста: вечно переезжала с места на место. То ли никак не могла найти себе подходящего пристанища, то ли не могла определиться с жизненными приоритетами, то ли просто мастерски пряталась от назойливых пассажиров. Частенько случалось, что человек приезжал на указанное в старом расписании место, а там – пусто. Лишь призрачная память об исчезнувшем вокзале. А вот и нынешнее её воплощение: свежевыкрашенный в какой-то «бодрящий салатовый» (цвет, явно выигранный в лотерею «Угадай, что осталось на складе») фасад. Новенькие пластиковые окна, уже успевшие покрыться благородной патиной дорожной пыли и украшенные отпечатками любопытных носов. Над входом – выцветшая, выгоревшая на солнце вывеска «АВТОВОКЗАЛ», под которой ритмично мигает сигнализация, создавая для усталых глаз эффект

трехкопеечного стробоскопа. Под ней же, скромненько, как записка на холодильнике, – режим работы, сокращенно «пн-пт». Видимо, муниципальный бюджет иссяк на цифрах, и часы работы были наклеены на обычной бумажке с надписью от руки, сделанной явно не каллиграфом.

Зал Ожидания автостанции в Абазе – это истинное Царство Контрастов.

Пол: Идеальная, холодящая душу и пятки даже сквозь подметки, плитка «под мрамор». Идеальная ровно до появления первой лужи от растаявшего снега с валенок бабы Шуры, моментально превращающей пространство в экстремальный трек для фигурного катания с авоськами.

Скамейки: Подлинная дань истории и экологии! Настоящие, душевные, деревянные реликвии. Не просто деревянные, а с характером, с историей. Каждая доска – хранительница памяти о поколениях сельских задниц, вырезанных формул любви «Мурзик forever», констатирующих изречений «Здесь был Зюзя», щедрых порций заноз для незадачливых пассажиров в летних шортах. И всё это великолепие покрыто толстыми, нахлестывающимися друг на друга слоями краски, в зависимости от года, настроения маляра и актуального «тренда» окрашивания общественных мест. В общем, когда встал вопрос о ремонте и выборе стиля из всех известных в Абазе: Минимализм, Хайтек, Хрен с ним и пусть так, был выбран последний эко-стиль. В его самом... аутентичном понимании.

Стены: Верх – местами свежая, обнадеживающая побелка. Низ – благородная «дорожная патина» на уровне багажа и грязных сапог, въевшаяся намертво. Проплешины, где не хватило ни краски, ни побелки, завешаны плакатами о безопасности движения и видами рекламы, неактуальной для местных жителей уже лет пять.

Урна: Единственная, футуристического дизайна (напоминающая троглодита, отчаянно пытающегося откусить тебе руку вместе с мусором, который ты нерешительно к нему тянешь), в которую почему-то никто не решается бросить мусор. Видимо, слишком эстетично и страшновато.

Сердце Системы – кассовое окошко: новенькое, с современным слотом для денег/документов и толстенным, будто в банке, бронированным стеклом. Создавалось явно с расчетом на продажу билетов напрямую в зону боевых действий. Динамик-Призрак – звезда антуража и предмет местной гордости, аккуратно вмонтированный рядом с окошком, стильный, серьезный... И немой как рыба. Висит себе, создавая видимость цивилизации и прогресса. Видимо, его «евроустановка» была столь сложна, что подключить благополучно забыли, или он сразу по прибытии понял бессмысленность своей акустической миссии в этих стенах. Казалось бы, банальность – Туалет. Святая Святых! Но дверь украшает не просто табличка, а целый иконостас из объявлений: «НЕ РАБОТАЕТ», «РЕМОНТ», «не курить!», «не входить». Европейский унитаз (несбыточная мечта провинциала!) видне-

ется в проеме, как Святой Грааль. Но войти нельзя. Никогда. Это не туалет, это – монумент несбывшимся надеждам и вечному «ремонту», памятник муниципальной безысходности. Запах, однако, ненавязчиво, но настойчиво напоминает о его теоретическом назначении, мастерски смешиваясь с ароматами пыли, недорогой махорки и подгорелых пирожков из ларька напротив. Расписание: творение импровизации – написано от руки на альбомном листе, приклеенное поверх старого, напечатанного, но безнадежно устаревшего. Главное – вера в чуткость водителя и вопросы, бросаемые ему вдогонку: «А в Таштып заезжаете? А в Аскизе стоять будем?».

Звуковой фон: помимо оперного крика кассира – плотный гул голосов, надрывный плач детей, статичное шипение неработающего телевизора в углу (служащего больше элементом того самого «евроремота», чем источником информации), и мерное тиканье единственных настенных часов, традиционно отстающих на 15 минут. Освещение больше естественное, но по многочисленным просьбам трудящихся добавлено несколько ламп: половина мигает, как на подпольной дискотеке, половина просто не включена – видимо, тоже на ремонте.

Автостанция в Абазе с ее претензией на евроремонт – это как надеть лаковые штиблеты на валенки. Сверху – блеск освоенного бюджета и несбывшихся надежд. Снизу – вечная, знакомая до боли, до слез реальность: кричащая Пиковая Да-

ма, вечно закрытый сортир, скамейка, затаившая занозу для твоей пятой точки, и непоколебимая уверенность, что автобус может опоздать, а может и вовсе не приехать. Но душа-то у этого места – настоящая! Глубинная, русская, провинциальная. С занозой в самом сердце, с криком отчаяния и смехом сквозь слезы. Добро пожаловать в самое сердце, в пульсирующий нерв российской провинциальной транспортной инфраструктуры!

Жемчужина автовокзала, его главное украшение и живая душа, пуповина, связующая вас с пунктом назначения под названием «на ближайший до Абакана» – касса номер единственная. И за ней, словно дирижер этого хаотичного оркестра, восседала кассир-операционист Надежда Сергеевна. Если бы автовокзал был театром (а он им, несомненно, являлся, просто с более липкими сиденьями и специфическим антуражем), она бы играла главную роль – Феи Билетов с хрипотцой и вечной резиночкой для волос, красующейся на запястье.

Из-за перманентной технической накладки и вечно немого динамика, Надежда Сергеевна совершала ежедневный подвиг. Чтобы продать билет до Абакана, она ОРЕТ. Не говорила, не повышала голос – именно орала, пробиваясь сквозь бронестекло, гул толпы и собственное отчаяние. Ее крики «ТАШТЫП! ДВЕНАДЦАТЬ ТРИДЦАТЬ! БИЛЕТОВ НЕТ!» – это не просто объявления, это саундтрек вокзала, его живое, неоцифрованное, хриплое дыхание. Евроремонт

столкнулся лоб в лоб с русским «временно так сделаем» – и победило, как водится, последнее.

Надежда Сергеевна за стеклом, слегка затуманенным конденсатом отчаяния пассажиров, – это был целый образ. Букет из темных, слегка кудрявых волос, будто их специально взъерошил легкий ветерок от проезжающих мимо автобусов. Они жили своей жизнью, эти волосы, как вольные духи бескрайних дорог. А на носу – маленькая, почти что неуловимая, но удивительно миловидная родинка. Такая трогательная, что невольно возникал вопрос: «А эта мушка у вас только в одну сторону? Или обратный билет ей тоже требуется?» Она, кстати, подмигивала пассажирам в такт стуку клавиш кассового аппарата, это было точно.

Но главное оружие Надежды Сергеевны – не эти вольные волосы и не обаятельная мушка. Оно раскрывалось в полной мере, когда вы, потный, нервный, скомканными купюрами в дрожащей руке, бормотали: «До Аскиза, пожалуйста, на ближайший». И она поднимала глаза. Глаза, знающие все тайны хаотичного расписания и бездну человеческой глупости. И... улыбалась. Улыбка добрая, теплая, но с хитринкой, как у кота, только что придумавшего новую, изощренную пакость. А потом звучал ГОЛОС.

О, этот голос! Нежное контральто, будто пропущенное через старую гитарную примочку «Хриплый Ангел». Словно она всю прошлую ночь напролет перепевала прошедший где-то фестиваль песни и танца под аккомпанемент гудящих в

ночи моторов. И этот уникальный голос выдавал не просто фразы, а целые шедевры вежливого, почти изящного троллинга:

«До Аскиза? Отличный выбор! Там сейчас... (заглядывает в невидимый путеводитель, подмигивая родинкой) ... ветер перемен дует. И пыль. Очень много пыли. Счастливого пути!» Щелк-жужжж – билет вылетал, как выпущенная стрела.

«Паспорт? Обязательно! Без него как же я узнаю, что вы – это именно вы, а не ваш загадочный двойник, тайно едущий в Абакан инкогнито?» – вежливо протягивала руку, ловя документ с грацией фокусника, извлекающего кролика из шляпы.

Старушке, оплакивающей неподъемные цены: «Бабушка, вы же знаете, наши цены – как погода в Сибири. Только вниз они не спешат, в отличие от температуры за бортом. Но для вас у меня есть особый билетик у окошка – вид на... стену с рекламой о море и пальмах. Очень медитативно, успокаивает нервы!».

Молодому человеку, робко мечтающему о VIP-месте в первом ряду: «Ах, первый ряд? Мечтатель! Там вы будете ближе всех к водителю, сможете в деталях изучать его затылок на предмет скрытых водительских мыслей. Или кричать «Тормози!» на полсекунды раньше всех остальных. Экстрим включен в стоимость, бесплатный бонус!»

Она вежливо обилечивала всех подряд: и матерящихся,

как сапожники, дальнобойщиков, и плачущих первокурсниц, и назойливых отходников, и важных бизнесменов, нервно сверяющих ее работу с котировками на бирже. Каждый уходил от окошка не только с билетом, но и с легким, странным ощущением, что его только что мягко, но уверенно обыграли в словесный пинг-понг. И всё было так мило, так ненавязчиво остроумно!

Очередь под ее чутким руководством таяла на глазах. Даже у тех, кто изначально настроился поругаться и ПО выяснять отношения с миром, после минутного общения с Надеждой Сергеевной весь боевой пыл куда-то испарялся.

Гаврил Захарович, неподвижный монумент терпения в этой очереди за билетами на Абакан, чувствовал, как душа его требует срочного подкрепления куда более веселого и согревающего, чем этот театрально-автовокзальный туризм. Рядом маячила бдительная супруга, Лиля Васильевна, орлиным взором выискивающая малейший намек на безобразие или отклонение от курса. Но Гаврил Захарович был из многодетной семьи и не самым робким ее членом! Словно опытный агент под прикрытием на самой вражьей территории, он внезапно замер, изобразив глубокий, почти научный интерес к потолку, где висела люстра, явно помнившая еще революционные вихри 1905 года. Левой рукой, не отводя пристального взгляда от запыленного стекла плафона, он совершил ювелирный маневр: ладонь плавно скользнула в карман старенького, верного драпового пальто, нащупала там теплый,

родной, спасительный фуфырик «Абазинской бормотухи», выкрутила крышечку с тишиной, достойной взломщика сейфов мирового класса, и – глоток! Быстрый, точный, как змеиный бросок. Лицо Гаврила Захаровича осталось абсолютно бесстрастным, будто он не глотал огненную реку, а просто сдержанно зевнул. Только легкая, почти неощутимая дрожь в руке (списываемая на волнение перед кассой) и едва уловимое, запертое где-то глубоко в пищевode «аж-ж-ж» выдавали совершенный подвиг. Он судорожно сунул флакон обратно в карман, как раскаленную картошку, и тут же принял озабоченно-деловитый вид, впиваясь взглядом в инструкцию на стене, будто в ней был зашифрован код от сейфа самих Ротшильдов. Главное – Лиля Васильевна не заметила! Хотя... ее едва заметная, ехидная ухмылка и взгляд, направленный куда-то в область его предательски оттопырившегося кармана, красноречиво намекали, что операция «Тайный Глоток» прошла с оглушительным успехом лишь в его собственном, уже изрядно подогретом, воображении.

Очередь – как хвост сказочного дракона, жаждущего удрать от уставшего героя, – неумолимо сокращалась. Надежда Сергеевна щелкала клавишами кассового аппарата с грацией концертного пианиста, но лицо ее становилось все серьезнее, сосредоточеннее. Родинка на носу выглядела вдруг не милой мушкой, а зловещей меткой. И вот она нажала последнюю кнопку... и вместо привычного звонкого щелчка раздался тихий, жалобный, обреченный писк ап-

парата. Билеты. Закончились. Всё. Тишина. Густая, тягучая, как автовокзальный чай третьей заварки. А потом – ВЗРЫВ. Возмущение! Топот! Вопли «Как же так?!» и «Я жду уже три часа, здесь, как идиот стою!». Хаос нарастал, как снежный ком.

Надежда Сергеевна встала. Ее темные кудри, казалось, напрыглись и встали дыбом от ответственности момента. Она сделала глубокий вдох, и ее хрипловатый, натренированный годами голос, усиленный до предела, резанул толпу, как нож масло: «Уважаемые пассажиры!» – пауза, повисшая в воздухе тяжелее бронестекла. Все затихли, ожидая либо униженных извинений, либо вызова местного казачьего спецназа ЗяблЯтского. – «Ситуация аховая, признаю честно. Автобус уперся в лимит мест, как самый честный человек – в собственную совесть. Но!» Она сделала паузу, драматичнее кульминации в античной трагедии. – «Но я не могу оставить вас в такой беде. У меня есть... эксклюзивное предложение!» Она окинула толпу взглядом полководца, готовящегося к последней, решающей битве. Родинка на носу подрагивала от вдохновения и адреналина. «Прямо за гаражом номер пять...» – ее голос стал низким, заговорщическим, будто она делилась величайшей тайной, – «... стоит наша запасная, экологически чистая транспортная единица. Телега. Да-да, вы не ослышались! Настоящая, деревянная, с историей! Кобыла наша, Малюта – неоднократный лауреат сельских бегов! Настоящий спринтер!»

Толпа остолбенела. Кто-то неуверенно хмыкнул, не веря своим ушам. «Предлагаю организовать экстренный рейс!» – продолжала Надежда Сергеевна с непоколебимой, почти церемониальной вежливостью. – «Места – без ограничений! Свежий воздух – включен в стоимость! Виды – панорамные, на все 360 градусов! Багажное отделение – сено, оно же и импровизированное сиденье! Особо нетерпеливым – прицеплена веревочка сзади, побегать можно, физкультура и правильное питание полезны для здоровья! Отправление – как только Малюта доест положенный овес и проникнется романтикой поездки в славный город Абакан!»

Тишина. Глубокая, всеобъемлющая. Потом – робкий, сдавленный смешок. Еще один. И вот уже вся очередь хохотала, покатываясь со смеху, живо представляя этот «комфортабельный экспресс».

Возмущение, злость, раздражение – все растворилось в хаосе внезапного, очищающего понимания и абсурда ситуации.

«Так что, уважаемые, – подвела итог Надежда Сергеевна, ее хриловатый голос звучал теперь торжественно и победно, а родинка плясала от удовольствия, – кто готов к путешествию с ветерком... и легким, аутентичным ароматом сельской жизни? Записываемся? Первым десяти счастливицам – по пучку душистого сена в подарок!»

И знаете что? Надежда Сергеевна снова всех победила. Пусть не билетами, так юмором, находчивостью и этим сво-

им непотопляемым духом. Потому что она была – не просто кассир. Она – хранительница автовокзального спокойствия, фея вежливых подколов и последняя Надежда (простите за неизбежный каламбур) на то, что даже когда билеты кончились, а техника встала, выход всегда найдется. Найдется в ее неиссякаемой смекалке и умении превратить катастрофу в юмор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.